

ДИАНА ВА-ШАЛЬ

ЗАРЕВО

КНИГА 1

ОПРАВДАНИЕ ХАОСА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Зарево

Диана Ва-Шаль

Зарево. Оправдание хаоса

«Автор»

2020

Ва-Шаль Д.

Зарево. Оправдание хаоса / Д. Ва-Шаль — «Автор»,
2020 — (Зарево)

Чего может стоить попытка докопаться до правды? Журналистка Штефани Шайер, рискуя оказаться в руках политического сыска, отправляется разгадывать тайны инфекции на далеком Севере. Однако девушка не знает, что зараза уже вырвалась и со стремительной скоростью превращает в хаос мир на своем пути. Встреча с правительственной военной группой становится для Штефани ни то спасением, ни то приговором. Что же окажется сильнее? Сковывающий страх или желание жить?

© Ва-Шаль Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть 1. Штефани Шайер	6
1	7
2	15
3	23
4	29
5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Диана Ва-Шаль

Зарево. Оправдание хаоса

Посвящается моему путеводному огоньку и самому светлому человеку.

Маме.

Ты всегда жива в моем сердце.

Часть 1. Штефани Шайер

1

Горячий кофе обжег горло, и тепло терпкого напитка разлилось по моему телу. Я тяжело выдохнула, поднимая глаза к небу, затянутому грозowymi серо-коричневыми тучами. На улице стоял зябкий предрассветный сумрак, а порывистый холодный ветер, столь нехарактерный для середины лета, не приносил особенного наслаждения от пребывания на улице. Заваренное зерно источало пряный аромат, а мне вдруг подумалось, что за последние месяцы, во время которых весь мой сон поглотили черный кофе и уйма работы, в моем организме стало излишне много этой горьковатой дымной жидкости, которая вместо крови движется теперь по моим венам.

Выбросила пустой бумажный стаканчик в урну, желая как можно скорее вернуться в прогретую машину, и, приподняв рукав кожаной куртки, посмотрела на часы. Утро. Около шести часов.

Внезапно, где-то вдали, над домами, поднялась в воздух стая птиц, и их трескучий крик эхом разнесся по округе. В тихом пригороде города в столь раннее утро неоткуда было взяться такому шуму, который мог бы заглушить птичий голос. Тревожно, плаксиво... Точно все сомнения ушедших дней повалились невыносимым грузом на плечи – такой долгий путь проделан, такой серьезный риск висит над головой острием меча; оступится так легко, и так опасно. *Опаснее, чем когда бы то ни было.*

Поежившись, я двинулась к небольшому белому трейлеру, громко стуча каблуками по асфальту.

– Поехали, – с ходу бросила Эндрю; он кивнул и, оправив ворот ярко-оранжевой рубашки, завел трейлер. – И сними ты уже эти чертовы солнцезащитные очки! Где ты видишь хотя бы какие-то признаки солнца?

– Там же, где и ты смысл и практичность всей этой поездки, – я фыркнула, смерив Эндрю снисходительным взглядом. – Знаешь, я не устану повторять, что все мероприятие очень рискованное. Ладно, даже не буду заикаться про документы для таможенников, которые ты где-то вырыла. Промолчу про печати на них и подписи сама знаешь кого... – Эндрю повел головой, а я лишь сжала губы, предпочтя промолчать. – Промолчу, что после последних наших публикаций нам бы вообще нигде лицами не светить, ладно! Но ты действительно думаешь, что какую-то значимую или полезную информацию мы найдем здесь? В самом захудалом городке, который только можно представить? Почти на всей территории Государства введен комендантский час, на Востоке объявлено чрезвычайное положение; и я не говорю о полностью перекрытых трассах, и уж тем более не упоминаю повсеместные анализы и социальные ограничения. И, Штеф, я даже не заикаюсь о закрытом Севере, – Эндрю качнул головой; нас немного потрянуло, и трейлер выехал на главную дорогу. – Туда, где мы действительно могли что-то раздобыть, нас не пропустят, даже если сами Небеса возьмут на себя роль наших протекторов. А это просто один из многих приграничных городков. Причем в чертовой Перешеечной области! Почти у границ Севера!

– Ты вроде водитель, верно? Так и води машину, – ответила грубее, чем хотела, но Эндрю пропустил колкость мимо. Постаралась выдохнуть, точно это могло заглушить сомнения и стражи, и продолжила более примирительным тоном. – Послушай, я тоже не хочу, чтобы мы проделали такой путь впустую. Но, *уверена*, здесь мы соберем материал. Может это и заезженный городишко, но один из немногих открытых на главных связующих магистральных. Местные издания пестрят новостями о хаосе в больницах и оцепленных кварталах, а это благой знак – правительственная цензура не настолько затянула удавку. Тем более, как ты правильно подметил, это один из многих приграничных городков. Не думаю, что здесь глаза и уши сыска будут так остры, что заметят утечку информации.

– Главное, чтобы великая мать-цензура пропустила, – немного погодя, ответил Эндрю. – А тот материал, который ты хочешь собрать, даже со связями нашего босса опубликовать будет проблематично. *Со всеми, Штеф*. До сих пор почти всю информацию по теме успешно подчищали.

– Сделаем акцент на слове "почти", – улыбнулась хитро. – Сэм спит? – Эндрю кивнул и, похлопав его по плечу, я двинулась внутрь трейлера.

Машину немного покачивало. Стянув куртку, я тяжело опустилась на маленький диванчик. На раскладном столике передо мной лежала потрепанная записная книжка, наушники, бейдж-визитница Сэма, на которой рукописными округленными буквами было выведено "Сэмуайз Дорт", и крупная папка с бумагами, заметками, кривыми рисунками и газетными вырезками – "Выступление Трех вновь перенесено – монархи готовятся сделать несколько объявлений", "Перебои со светом в столице", "Магистраль в западном направлении перекрыты", – перебирать которые не хотелось. Я чувствовала, что голова моя тяжела, глаза закрывались. Бессонные ночи волнения при пересечении таможенных постов давали о себе знать; однако знала, ляг сейчас на кровать – не смогу уснуть. Тем более, я совершенно не приспособлена спать в едущей машине.

Перевела взгляд на однотипный пейзаж, безмятежно скользивший за окном: белые двухэтажные домики с темной крышей мелькали в повторяющемся ритме, редкие деревья-стрелы, вонзающиеся в хмурые небеса. Мы миновали красивый мост с кованой оградой; вода в реке казалась грязной, графитово-коричневой, и ее бурные потоки выбивались из восприятия рядом с аккуратными частными домами.

Жутко. Устрашающе по-своему. Впрочем, в последнее время мнительность, эмоциональность, порой переходящая все границы, чувство ужаса и страха, возникающие из пустоты, стали особенно острыми: заставляли крутиться, дергаться, и не давали покоя ни на минуту – что-то надвигалось, не нужно было быть провидцем, чтобы это понимать. Вопрос заключался лишь в том, в какой из сфер нашей жизни грохочет первым делом.

Собственное моральное истощение списывала на общую усталость и нервную обстановку. Хотя, безусловно (и себе-то я лгать не могла), причина крылась куда глубже – слишком очевидно и слишком болезненно. От прошлого не сбежать и не укрыться. Не заглушить работой, не перебить рискованными решениями, не притупить; оно всегда возвращалось внезапными воспоминаниями в минуты тишины, ночными кошмарами, подкрадывающимися слезами и комом в горле... Начинать с чистого листа трудно. Иногда казалось, что сделать это возможно, только предав огню предыдущие главы жизни. Но для того нужно быть либо слишком смелой, ибо отчаянно глупой – и потому я искала исцеление в другом. Полностью потеряв себя, с абсолютной пустотой внутри ребер, отдалась работе. Без остатка. Без страха и сомнений. Наверное поэтому, смотря на проплывающие домики за окном, на оформленные для поездки бумаги, у меня не возникало вопросов, как же мне хватило смелости на все это.

Ввязалась в авантюру, озвучивать детали которой было пугающе даже в собственных мыслях.

Сэм громко сопел во сне, свернувшись на маленьком поношенном диванчике; всю ночь делал монтаж видео, а потом еще и чинил антенну – последние дни она почему-то работала с ужасными перебоями, – не удивительно, что он уснул сразу же, как только присел. Улыбнулась, почему-то вспоминая, сколько лет дружбы нас связывали с Дортом – когда-то играли в одном дворе, потом учились вместе, вместе пошли в институт. Тогда я и не думала, что судьба сложится именно так – хотя, вообще не предполагала, что настолько все закрутится, переменится, вывернется и разразится, – и нам предстоит работать бок о бок.

Больше четырех лет работы в издательстве за плечами. Таких быстрых и таких нестерпимо долгих; то, чего мы достигли сейчас, было написано потом и кровью, слезами и холодом казематов политсыска... Легкого старта не было, и в колею мы не влились сразу – долгое время

нашу тройку не особо признавали, потому не приходилось якшаться любой халтуры, сплетен и работы на режим. Смелость пробуешь на вкус крупичками. Людей начинаешь считать далеко не с первого раза. Находить соратников можно только через ошибки. Наше постоянное стремление влезть в гущу событий, покопаться в темах, в которых копаться нельзя: это и вывело нас к нынешнему руководителю издания "Багровые небеса", человеку отчасти опрометчивому, импульсивному, но очень принципиальному и смелому, даже в нашем Государстве смогшему найти лазейку цензуры и авторитетных покровителей.

Ближе к центру города людей все больше, дома все выше, а небо все темнее.

Невероятным риском являлось решение направиться сюда. Однако доверенное лицо меня заверило: информация по интересующей теме здесь будет, и определенные ниточки в организации встречи со знающим лицом дернуты. Правда, мы опаздывали почти на сутки к условленному сроку встречи: какими бы качественными не были сделанные пропускные документы, чья бы фамилия не стояла в подписи, но перемещение между территориальными единицами Государства уже многие десятилетия оставалось, мягко говоря, сильно ограничено, но последний месяц таможенники вовсе озверели. Все это связано, конечно, с эпидемией на Севере, которую уже стало невозможно прикрывать слухами, домыслами и происками "оппозиционеров и дилетантов". Неизвестная болезнь с невероятной быстротой беспощадно косила города, и о надвигающемся кошмаре, "каре Небес" не шептался только ленивый.

Да, Эндрю мог и не упоминать закрытый Север. Упоминание его, как мне кажется, еще через пару недель попадет под такой же строжайший запрет, как и гражданская война на юго-западных территориях, как исчезнувшая полтора года назад организация "Анцерб"...

А потому, какой бы рискованной не была наша поездка, нельзя было упускать даже малейшую возможность понять происходящее.

Я фыркнула, глянув украдкой на свежую газету рядом с Сэмом. Заголовки пестрили об еще одном чиновнике за решеткой; о том, что гражданская война (да и любые боевые действия) на далеком юго-западе завершилась еще в прошлом году, а любое тому опровержение – враки, саботаж и попытки подрыва авторитета власти. Впрочем, подобные формулировки давно перестали быть в новинку. Правительственные писцы клепали одни и те же статейки под копирку, силясь из последних сил убедить народ Государства в легитимности власти Трех; подконтрольности ситуации на закрытом Севере, где по слухам произошел чуть ли не Армагеддон, и на юго-западе, где полуостров и по совместительству очаг сопротивления "Холодный штиль" уже тринадцатый год вел гражданскую войну за свое легальное право на отделение.

Чиновник на первой полосе газеты, – Иванко Хорст, – один из немногих, кто начал открыто выступать за право "Холодного штиля" на отделение; он же стремился осветить события и ситуацию на Севере. А теперь, отстраненный от должности, лишенный звания Маркизуса Северных земель, после месяца в казематах, он оказался за решеткой по обвинению в государственной измене, которую, якобы, совершил с десятков лет назад.

Трейлер затормозил резко, я дернулась вперед, еле успев удержать равновесие и придерживать папку с документами. Сэм качнулся, машинально ухватился за диван, просыпаясь и выпучивая глаза. Трейлер вновь тронулся.

– Что происходит? Где мы, Штеф? – Сэм, тяжело дыша и оглядываясь в окно, потер глаза. – А, ну да... Все заспал. Надеюсь, сегодня быстрее управимся.

– Если материала не будет – выспимся, – проговорила в ответ, затем кивая на его ядовито-зеленую футболку со странным оранжевым монстром – Скоро приедем, переодень верх.

Сэм вздохнул и закатил глаза, а я, вновь отвернувшись к окну, облокотилась о спинку сидения.

Мы быстро миновали несколько проспектов, свернули на объездную, где находилась нужная нам больница.

Городок °22-1-20-21-14, расположенный в северной части Перешеечной области. Небольшой, провинциальный и рабочий. Казалось бы, что может случиться в таком тихом месте? Но меня ведь *заверили*, что сюда следует наведаться. Мне стоило лишь довериться. Что я теряла? Время? Не думаю, что политический сыск Трех, – жнецы, – сейчас особенно тщательно гонялся за мелкими отступниками и журналистами; проблем хватало и без изданий, возмнивших, что свобода слова вернулась.

Одно знала точно: я не просто не имела права пропустить встречу с главным врачом местной больницы, являющимся доктором медицинских наук, уехавшим из Севера чуть больше года назад.

Когда за окном показалась больница, с удивлением отметила про себя, что представляла она собой достаточно большое здание (особенно, для такого небольшого города), около которого скопилось невероятное число машин; Сэм тоже в недоумении уставился в окно, смотря на забитую стоянку. Эндрю не сразу нашел место, чтобы припарковаться.

Мотор трейлера сначала надхрипнуто загудел, а после затих.

– Прибыли! – Эндрю обернулся к нам, – можете выходить.

Птицы парили почти у самой земли, на улице было душно, и ветер будто исчез. Пахло сыростью. Там, за зданием больницы, где виднелись высокие ограждения, стояли военные и полицейский конвой. В небе с гулом пролетел черный вертолет – символика Трех на нем была перекрыта другим змеящимся символом, который я не успела разглядеть, – и, проводив его взглядом, я обратилась к Эндрю.

– Ты с нами пойдешь, – спросила, стоя у двери трейлера и накидывая куртку на плечи, – или ждать будешь?

– Идите, я чуть позже пройтись хочу. Ноги разомну, да хоть город гляну; будет что своим рассказать. Так далеко нас не заносило...

Я согласно кивнула, не выдавая легкого мандража. Сэм, впопыхах собрав сумку с аппаратурой и надев более-менее адекватную толстовку поверх излюбленной футболки, следом выскочил из душного трейлера, захлопнув дверь. Я бросила на него взгляд; судорожно вдохнула и выдохнула, осмотревшись вокруг.

Нам нужен материал. И мы его получим. Или создадим.

Подтолкнув Сэма в бок, стремительно направилась к дверям больницы, все еще внимательно рассматривая происходящее за ее зданием. Выглядело все это тревожно и серьезно, что, несомненно, радовало – вероятность плодотворной работы, громкого дела, способного истинно омрачить богоподобный образ Трех, росла. Возможно, подтверждение существования эпидемии на Севере, могло не только открыть глаза людям, но и подтолкнуть их к действиям.

И, хвала Небесам, машин жнецов поблизости не наблюдалось.

Сэм нагнал меня уже на лестнице и недовольно пробубнил что-то себе под нос, открывая передо мной дверь и пропуская вперед.

В больнице пахло всевозможными медикаментами, а в воздухе витало почти осязаемое чувство печали и отчаянья. Я дрогнула, останавливаясь на мгновение и стараясь унять дрожь в теле. Ноги мои окаменели, а ладони взмокли; есть вещи, которые оставляют клеймо на всю нашу жизнь – можно научиться жить с ним, но избавиться не удастся никогда. Заставила себя прогнать навязчивые мысли, вспомнить о том, почему и ради чего мы здесь. Шагнула вперед, окидывая взглядом помещение: да, такая же больница, как и сотни других. Врачи в белых халатах все время куда-то бегут, пациенты либо находятся в палатах, либо стоят у окна, с некоторой завистью смотря на людей, что находятся за пределами этих треклятых стен. Кто-то обязательно плачет, кто-то радуется и покидает больницу, желая боле никогда сюда не воз-

вращаться. В углах – огромные белые горшки с высокими растениями, зеленый цвет которых, по идее, должен успокаивать. И вся эта тишина, прерываемая тихими голосами, стонами, криками и гудением аппаратов, начинает потихоньку сводить с ума...

На потолках висели горизонтальные бактерицидные лампы, от которых исходил синеватый цвет. Некоторые перегорели, и участки длинных коридоров погрузились в неприятный, жутковатый, полумрак.

Сэм продолжал зевать, лениво держа под мышкой темную сумку, и ему было совершенно плевать на окружающую обстановку: он так хотел спать, что даже не заметил моей мимолетной заминки (или решил не делать на ней акцента?). Но в любом случае я была уверена: если предложить ему поспать прямо здесь, на больничном холодном полу, Дорт бы без раздумий согласился.

– Ладно, – махнула Сэму рукой, – иди, снимай что-нибудь. А я поспешу на встречу, мы и без того сильно выбились из графика; придется поднапрячься, чтобы компенсировать сутки задержки. Боюсь, как бы не аукнулось, слишком тяжело было договориться о беседе...

– Так ты действительно нашла себе здесь информатора? – Сэм сощурился, а я, театрально пожав печами и круто разворачиваясь, двинулась вперед. – А что снимать-то? – раздался голос парня за моей спиной.

– Будто не знаешь, – усмехнулась в ответ.

Дорт громко выдохнул, хотя это скорее напоминало стон полнейшего разочарования.

Ни Сэм, ни Эндрю не знали наверняка, кем был наш безымянный помощник. Кто содействовал организации встречи с доктором, кто сделал документы и пропуска для таможенников. Благо, и Эндрю, и Сэм понимали – порой лучше не задавать лишних опросов. Меньше знаешь – меньше смогут выведать, в случае чего, жнецы.

"Мы едем, потому что это соответствует нашему мировоззрению и нашей позиции, – пожал перед выездом плечами Эндрю, – остальное неважно. Ты знаешь, что делаешь, и не нам в тебе сомневаться".

У администратора уточнила, где находится кабинет главврача – половина проходов заблокирована, полицейские в спешке выводили людей из больницы, – услышав мою фамилию, девушка за стойкой сообщила, что меня уже ждут; направила, куда идти, и посоветовала поторопиться, покосившись на людей в форме. Медлить я не стала, тем более что и самой хотелось поскорее покинуть это место, и решительно направилась к главврачу; благо, его кабинет временно перенесли на первый этаж этого крыла – неужто благословение свыше?

Пока шла, мимо меня периодически пролетал медперсонал; пациентов, судя по всему, в этой стороне не было. Медсестры, полицейские... Напряжение висело густой пеленой в воздухе и оседало тяжестью в легких. На короткое мгновение холод пробежал по позвоночнику, а страх натянул нервы для беспощадной на них игры – но озадаченность лишь подначивала идти вперед. Сомневаться в том, что все услышанное не байки, и что инфекция действительно добралась уже сюда, в °22-1-20-21-14, не приходилось.

Скопление военных за зданием больницы, военная техника в городе, перекрытые дороги и кварталы – *сомневаться* уже точно было нельзя. То, что мы смогли въехать – истинно чудо. Будто сама *судьба* сооблаговолила.

Коридор. Куча закрытых дверей, лестницы, ведущие вверх... И вот уже и кабинет того, кто мне нужен. Выдохнула, выпуская волнение. Постучала. Открыла дверь, делая осторожный шаг.

Мужчина, лет сорока, убирал бумаги в небольшой сейф, стоящий у его стола.

– Можно? – я тихо прикрыла дверь за собой. Врач обернулся, поправляя квадратные очки в аккуратной оправе и быстро закрывая дверцу сейфа, – доктор Гивори, если не ошибаюсь?

– Доброго утра, – кивнул он, бросая ключ на стол и усаживаясь в высокое кожаное кресло, – чем могу быть полезен? – мужчина указал на стул у стола, а я в этот момент обратила внимание на его руку: ладонь перебинтована, сам бинт уже поалел от крови.

– Спасибо, – быстро прошла вперед и осторожно опустилась в кресло под пристальным взглядом мужчины. Затем изящно достала из кармана одну из последних визиток и протянула ее доктору. – Штефани Шайер. Журналист, корреспондент и просто заинтересованная сторона. Хотела задать Вам пару вопросов.

Мужчина кивнул и внимательно изучил визитную карточку, о чем-то напряженно думая. Часы на стене громко цокали; с улицы через открытое окно доносились обрывки разговора.

– Мне описывали Вас несколько иначе. Впрочем, это не играет роли, – он небрежно отбросил визитку, пока я испытующе изучала интерьер кабинета. – Врачебная этика не позволяет мне разглашать тайны моих пациентов, – сухо заметил Гивори, – я надеюсь, Вы помните это.

– О, безусловно! – улыбнулась, посмотрев на него, – не переживайте, мне нет дела до конкретных личностей. Я прибыла к вам совершенно по иному вопросу.

– Я помню, – мужчина издал короткий смешок, – к сожалению, с утра меня оповестили о том, что все материалы о вспышке неизвестного нам заболевания не должны предаваться огласке, – он бросил короткий взгляд сначала в угол кабинета, где я увидела небольшую камеру, на которой горел зеленый индикатор, а затем на сейф, и этого было достаточно, чтобы понять, что именно хранится под замком. – Как вы понимаете, это была далеко не просьба, а разглашение будет иметь серьезные последствия, – Гивори на секунду замолчал. Затем сказал якобы разочарованно, но глаза его выдавали важность этих слов. – Хочу Вас огорчить, кроме *прежних*, уже озвученных гипотез и предположений, Вы не узнаете ничего.

– Значит, инциденты действительно имели место, а сумасшествие пациентов – не байки и страшилки, а вполне реальная вспышка какого-то заболевания?

Гивори еле заметно кивнул:

– Вы не первая, кто старался разузнать, в чем, собственно, дело.

– Ну, в таком случае мне останется лишь довольствоваться быть первой, кто найдет ответы на все вопросы, – проговорила с нескрываемым напором.

Было ясно: правительственные глаза и уши не дремлют и здесь, силясь избежать утечки информации. А значит, здесь действительно *есть* что узнать. Не зря мы четверо суток мучились в дороге со всеми барьерами, ограничениями и пробками.

Гивори молчал, и я цокнула, пытаясь показать, что молчание меня не устраивает:

– Неужели Вы полагаете, что я буду разглашать имя моего информатора? Доктор Гивори, в стране паника, которая вскоре может перерасти в настоящий неконтролируемый хаос. Разве нам нужен еще один сценарий юго-западных территорий? – сказала скорее не для доктора, а для маленькой, мигающей в углу, камеры. – И очередная ситуация с агрессивными оппозиционерами? Люди напуганы. Слухи об эпидемии раздаются в каждом углу. Верноподданным нужны хотя бы какие-то конкретные ответы, а не обрывки чужих сплетен. Если Вы что-то знаете, это ведь шанс *помочь* другим. К тому же, Вы не будете отрицать, что пациенты находятся почти в пограничном со смертью состоянии и нападают на других, пытаясь... – осторожно заметила я, подняв бровь, – покусать.

– Не буду, – кивнул мужчина мне в ответ. – И могу сказать Вам одно: это явно не психическое заболевание, как думают многие, – продолжил он наигранно скучающим голосом, но я быстро достала из внутреннего кармана куртки потрепанный кожаный блокнот с ручкой, и так же скоро стала записывать за Гивори, – Во-первых, психическими заболеваниями нельзя заразиться от носителя. Во-вторых, не может такое количество людей почти в одно время заразиться одним и тем же заболеванием, связанным с нарушением психики, – я кивнула, продолжая делать заметки, – внезапная вспышка. Один день спокойный, а на второй у нас уже забито

целое отделение. Третий, и вот уже полицейские и военные оцепляют целые кварталы и районы. Поговаривают, в город даже прибыли спецподразделения. А мы, – он развел руки, – мы даже не можем взять у больных анализы... – Гивори помедлил. – Они в крайней степени агрессивны, – мужчина потер перебинтованную руку, – и кровожадны. Некоторые из наших врачей заразились за прошлые сутки, трое умерло от нападения больных. Мы смогли огородить зараженный корпус. Сейчас там работают лучшие специалисты.

– Да уж... Тянет на главный заголовок, – помедлив, несколько тяжело ответила. Затем внимательно и серьезно посмотрела на Гивори, – если бы Вы, когда что-нибудь раскроется, позвонили мне, я была бы Вам безумно благодарна... Конечно же, без нарушения Ваших врачебных клятв, – я приподняла руки ладонями вверх.

– Я бы правда сказал Вам больше, но я переживаю за свою сохранность, – внезапно прямо и честно выпалил Гивори. – Тем более, это все настолько граничит с чистым безумием, что Ваш главный заголовок могут счесть желтым.

В эту же секунду дверь в кабинет распахнулась и на пороге показалась медсестра, халат которой был изрядно запачкан... *Кровью*. Девушка тяжело дышала, ошалело смотря на мужчину.

– Доктор Гивори! – воскликнула она, – больные из третьего корпуса пытаются выломать двери! Их очень тяжело сдержать!

– Как?! – закричал мужчина, подскакивая с места. Он бросил на меня взгляд, резонно указал на дверь, не произнеся ни слова, в то время как мой взгляд вдруг упал на ключи, лежавшие на столе... – Покиньте мой кабинет! – рявкнул Гивори, и я, сорвавшись с места и чуть не перевернув кресло, проскользнула мимо медсестры. – Где же... Ну, к черту! Пусть кабинет остается открытым! Полиция уже на месте? Силовики подъедут?

Голоса растворялись в шуме. Сердце колотилось где-то в горле, не давая дышать; я обеспокоенно думала о Сэме... Мысли не могли собраться воедино: гул, крики, стоны наполнили коридор, а от волнения немного кружилась голова. Я быстро направлялась к выходу, и чем ближе подходила, тем отчетливее слышала вопли, удары и непонятное рычание, сопровождающееся отборной руганью. Лампы продолжали беспрерывно мигать, страх зазмеился по шее, затягиваясь удавкой.

А когда сделала шаг, открывшаяся картина заставила пошатнуться. Полицейские, выставив щиты перед собой, пытались затолкнуть больных в двери, из которых вторые пытались выбраться. Пациенты тянули к силовикам руки, клекотали нечеловеческими воплями... И всюду была кровь. Запах едкий, нестерпимый, тошнотворный. Разило гнилью, затхлостью, кисло-сладкой тухлятиной...

В тот момент я не различила словно ничего, но картинка отпечаталась в памяти контрастным изображением: эти обезображенные лица и тела, эти укусы, совершенно не походившие на долетавшие слухи – это не укусы, это вырванные ошметки мяса и мышц, кровавый фейерверк. Все вокруг казалось искаженным и зловещим, словно я оказалась в кошмарном сне.

Закричать бы в тот момент, убежать поскорее оттуда или хотя бы отвернуться... Но все что я делала, это стояла на месте, в состоянии аффекта, и смотрела, ощущая, как тошнота подходит к горлу. Земля подо мной пошатнулась; неистовые крики звенели в ушах. И все внутри сжалось. Кислота заполнила рот...

– Просим Вас покинуть здание! – один из полицейских налетел на меня сзади, чуть не сшибая с ног; он тряхнул меня за плечи. – Покиньте здание! Сейчас же! Здесь не безопасно!

Не помню, невнятно ответила ли я что-то, или сразу бросилась к дверям; лишь знаю, что духота на улице лишила возможности вдохнуть полной грудью, а у меня будто выкачали весь кислород из легких. Еле удержала рвотный позыв и, наверное, бы упала прямо там и покатилась по лестнице, если бы меня не поймал Дорт.

– Сэм! – я схватила его за ворот толстовки, и больше ничего не могла сказать. Меня вдруг начал бить сильный озноб. Всю трясло. Дрожь во всех конечностях. И... *страх*. Обескураживающий. Липкий и холодный. *С запахом крови и гнили*.

– Идем, – мужчина кивнул и, придерживая за руку, помог дойти до трейлера.

Ни разу я не оглянулась на больницу. Ни слышала из-за шумах в ушах ничего. Прибывшее подкрепление полицейским вроде как помогло немного утихомирить хаос, оставшийся внутри больницы, но тот хаос, что зародился *внутри меня* на долгое время стер любые мысли обо всем, что волновало последние месяцы и годы. Шок.

На улице было душно. Нестерпимо душно, и воздуха не хватало. От асфальта шел жар, и, казалось, все вокруг колыхается в этом еще не разразившемся пекле.

Я даже не догадывалась, что несут грядущие дни. Даже не догадывалась, что день нашего прибытия в °22-1-20-21-14 навсегда изменит мою жизнь.

2

Эндрю с Сэмом пристроились на раскладных стульях у трейлера, я, укутанная в плед, на ступеньке у входа в наш дом на колесах. Сидела, устремив взгляд на горизонт, где виднелись огромные трубы, из которых непрерывным потоком валил густой серо-бурый дым. Дрожь до сих пор не унималась; перед глазами стояли жуткие картинки, а в голове продолжали звучать крики и шум...

Да, я хотела сенсации. Мечтала, чтобы слухи оказались правдой. Мы все хотели этого, потому что знали, насколько поворотной может стать информация, способная пошатнуть власть монархов. Но когда увидела эту правду вживую, то испугалась. Даже нет, не испугалась – я была в ужасе.

Преследования жнецов и сырость их казематов на секунду показались детским лепетом.

Мужчины внимательно изучали отснятый Сэмом материал, порой что-то восклицая и переговариваясь, а я... А я не могла пошевелиться. Не ожидала, что все будет так. То, что увидела в больнице, действительно повергало в ужас и заставляло совершенно иначе взглянуть на все происходящее в нашем Государстве в последние месяцы. Теперь уже закрытые города, усиленные таможенные контроли на дорогах, оборванные эфиры, слухи и перешептывания – все виделось в ином свете, а воображение рисовало кошмары наяву. Правда, они все равно были где-то там, очень далеко и недосыгаемо. А безумие в больнице напоминало горячечный бред. И если бы не большое количество людей в форме, машин, сигнальных огней и периодически срабатывающих сирен, то можно было бы представить, что после бессонной ночи я просто провалилась на мгновение в бессознательное состояние, и все это мне почудилось.

Бросила осторожный взгляд в сторону больницы. Кто-то кричал в рупор, призывая всех сохранять дистанцию. Редко, раз в пару минут, раздавались выстрелы. Я вздрагивала, боясь даже представить, что происходило внутри здания; и, хотя Эндрю с Сэмом настаивали на том, чтобы вернуться (или проникнуть) туда тотчас, я совершенно не желала вновь возвращаться, пока все не утихнет и не прояснится.

К тому же, мне впервые не хотелось лишний раз ссориться с правоохранительными органами. Во-первых, я была слишком встревожена и напугана для хладнокровных дискуссий. Во-вторых, наша репутация, уже подпорченная проникновением в чужие кабинеты, участием в громких и неоднозначных дебатах, освещением грязных дел значительных лиц, была в опасном шаге от пропасти. Неправильное движение, неосторожное действие или слово сейчас – могли стать смертельным приговором. Представителям правительственных сил стоило копнуть лишь чуть глубже в наши документы, лишь чуть внимательнее прислушаться к вопросам...

И хотя мы никогда не страшились пробиваться через пластмассовые щиты в центр событий, и не раз я подбивала ребят на сомнительные авантюры, но сейчас точно не стоило создавать еще одну историю противостояния с органами. Да и рисковать своей сохранностью, пытаясь вернуться в больницу, было абсолютно опрометчиво. *Настолько*, что *даже* я на это не решалась.

В животе противно заняло, но я понимала, что в горло и кусок не полезет; хотя все равно следовало заставить себя сходить и купить воды.

Внезапно зазвонил телефон. Сэм с Эндрю синхронно обернулись, а я невольно вздрогнула, затем раздраженно выдохнув и пропустив сорвавшегося в трейлер Эндрю. Он впопыхах старался отыскать среди всякого хлама мобильный, в то время как раздражающая автоматическая мелодия на звонке продолжала задорно играть. Мы переглянулись с Сэмом и тот, натянуто и наигранно улыбнувшись, чуть приподнял видеокамеру.

В глазах его испуг, а лицо неестественно бледное.

Когда телефон был наконец-то найден, я опять вздрогнула, только уже от резкого и громкого голоса Эндрю, который первым же делом похвалился будущим удачным репортажем перед своей женой – он, на мгновение забывшись, с восторгом описал то, что заснял Сэм, и то, как много военных и полицейских скопилось вокруг. Знаком показала Эндрю следить за словами – жнецы вполне могли прослушивать разговор, – и, поежившись, тихо выругалась: весь скепсис Эндрю пропал, и его ничуть не тревожило, *что* он увидел.

Во мне боролись радость и беспокойство, и пока не было понятно, что побеждает.

Затем Эндрю стал разговаривать о дочери, а это значило, что его разговор затянется. При всей угрюмости и молчаливости, наш дорогой Эндрю был очень хорошим отцом и примерным семьянином, который никогда не упускал возможности спросить у меня, не нашла ли я себе пары – если честно, всегда восхищалась его умением совмещать семью, работу и хобби, особенно учитывая то, что все эти пункты были различны и не могли пересечься.

Поднялась и нехотя стянула с себя теплый плед, закинув его куда-то вглубь трейлера.

– Эндрю, – окликнула мужчину, и тот обернулся, – я в магазин.

Мужчина коротко кивнул в ответ и я, захватив небольшой портфель, висевший на вешалке около входа в трейлер, решительно направилась вперед. Сэм участливо посмотрел на меня и, не произнеся ни одного слова, поплелся рядом.

Однако стоило признать: несмотря ни на что, несмотря на мое состояние, несмотря на весь кошмар и ужас, я также вполне понимала – этот материал произведет фурор. А если Гивори отдаст мне остальную информацию – поднимет гигантскую волну, которая сметет последние сомнения в том, что власть Трех себя изжила. Что Трое сознательно сокрыли эпидемию на Севере. Что их словам нельзя верить. Что люди в их руках стали расходным материалом...

Я все шла и шла вперед, погруженная в мысли, не смотря по сторонам. Где-то вопила сирена. Дорожные рабочие в униформе появлялись то тут, то там; большая машина гудела, а оранжевый проблесковый маячок работал с перебоями. Ноги от каблуков неимоверно ныли. Голова гудела. Люди вокруг бегали, кричали; взрослые уводили детей. Кипишь и гам не стихал ни на минуту, а громкие голоса смешивались в один единый шум и звенели в ушах... Именно в этот момент я отчетливо поняла, что совершенно выбита из колеи, и не совсем замечаю и осознаю происходящее вокруг. Даже потеряла ощущение времени.

Резко остановилась осматриваясь. Не знаю, сколько мы шли вперед. Может, минут десять или даже двадцать. Громко пробили часы на высоком здании из красного кирпича. Десять часов. Оживленный перекресток перед нами. На небольшой площадке перед зданием (вполне вероятно, административным) гордо возвышался постамент – три безликие одинаковые фигуры. Единственное, что отличало эти тени – характерные атрибуты. Корона из двух обручей на голове Властителя, меч в руках Главнокомандующего и поднятая Послом Небесным над головой Книга.

– Ты в порядке? – Сэм впервые за все это время решил заговорить. Он внимательно посмотрел на меня, – выглядишь, скажу прямо, плохо.

– Спасибо за честность, – хмыкнула в ответ, поворачивая к не большому, но длинному зданию, стены которого были сделаны из затемненного стекла. Мимо пронесся велосипедист, чуть ли не сшибая нас. Сэм, громко выругавшись, показал вслед парню средний палец, на что я лишь тяжело вздохнула, качнув головой.

– Они совсем из ума выжили! – зло фыркнул Сэм, оправляя толстовку, – идем!

Здание, состоящее из цокольного и первого этажа, внутри оказалось даже больше, чем казалось снаружи. Везде разбросаны различные павильончики, начиная от аптек и заканчивая сувенирной лавкой, а цокольный этаж приспособлен под гипермаркет и книжный магазин. В помещении на каждом шагу работали кондиционеры, и я жадно глотала прохладный воздух.

На удивление, людей было очень мало, и потому продавцы лениво зевали за прилавками, еще не до конца пробудившиеся от утреннего сна.

Произошедшее в больнице все сильнее отдалялось, начиная казаться выдумкой или лихорадочным бредом. Да, я все еще отчетливо помнила каждую секунду, каждый звук, но все постепенно погружалось будто бы в туман, становилось менее реалистичным. Заурядное течение жизни, здесь, за пределами стен больницы, притупляло волнение, и отдельные детали ускользали из внимания, но...

Но на секунду я будто попала в мертвую петлю из старых и новых воспоминаний. Дрогнула, тряхнула волосами. Бессознательно сжала запястье левой руки. Сэм бросил на меня встревоженный взгляд, но, ничего не сказав, направился к лестнице, что вела на цоколь. Я последовала за ним.

– Давай, приходи в себя, Штеф, – устало протянул Сэм. – Согласен, зрелище не из приятных... Но все же к лучшему, верно? Мы нашли отличный материал, из которого легко сделаем конфетку. Разве не этого мы хотели?

– Да, пожалуй, – неуверенно протянула в ответ, хмурясь; внутреннее чутье вопило, но разобрать, от чего именно оно пыталось меня предостеречь, я не могла. Посмотрев на продуктовый, почувствовала, как комок подобрался к горлу, – ты сам сходи, купи перекусить, а я в книжный лучше зайду.

– Тебе что взять?

– Минералки, – быстро ответила, – и печенье можно какое-нибудь. Я не особо-то и есть хочу.

Сэм кивнул, убирая руки в карманы, и, развернувшись на пятках, скрылся за прилавками. Полноватая кассирша лет сорока неодобрительно на меня посмотрела, но, поймав ответный взгляд, отвернулась и начала разглядывать стеллаж с сигаретами.

Я цокнула, вскинув брови, и обернулась. Впереди, за панорамными стеклами, виднелись ровные ряды полок с книгами.

Мысли продолжали перескакивать одна к другой: мне вспоминались и бессонные ночи, кончавшиеся крепким кофе на заправках, и полуночные сборы, и наша нынешняя долгая поездка, и тряска в трейлере, и разбитая аппаратура. Лабиринты домов, желтая косточка месяца в небе. Тучи, зябкое утро, больница. Перебинтованная рука Гивори, пациенты, полицейские.

Не помня себя, оказалась среди книжных полок. Бегло осмотрелась, побрела между стеллажами, поглядывая на новые корешки.

Подташнивало. Видимо, слишком перенервничала, да и сейчас продолжала накручивать саму себя. Где-то внутри страх закапывался в самое сердце и неприятно щекотал, давая о себе знать. Давно я не испытывала таких панических чувств.

– Вам плохо? – взволнованно спросила девушка у кассы. Я обернулась, сначала не понимая, где та сидит.

– Нет, все в порядке, – кивнула, подумав о том, что сегодня что-то все чрезмерно активно пекется о моем здоровье, – спасибо.

Сразу после этого я как можно скорее попыталась скрыться за полками от пристального взгляда, и ближайшие минут десять провела в бесцельной ходьбе и рассматривании книг. Доставая очередной томик с полки, прочитывала аннотацию, листала, бегло изучая первые попавшиеся на глаза строки... Я с уверенностью могу сказать, что не запомнила ничего, да и не стремилась запоминать или осмысливать: все рассуждения заняты другим. Я уже продумывала текст статьи, визуально составляла наполнение страницы интернет-издания, продумывала, какие формулировки следовало вывести на красные строки. Однако даже в таком дремлющем состоянии смогла выбрать книг шесть-семь для дальнейшей их покупки; обычные небольшие книжки в мягкой обложке, которые удобно носить с собой, в силу их компактности

и маленького веса. Парочка из уже прочитанных, остальные – для нового ознакомления; никто не мог точно сказать, насколько долго мы останемся в этом городишке, а потому следовало подумать, чем себя занять кроме рабочей рутины. Основным пунктом, безусловно, стало желание ознакомиться с самим городом. Редко когда удавалось выехать за пределы территорий, где ты был практически "закреплен". В Перешеечную область нас не заносило ни разу, близость Севера чувствовалась в архитектуре и плане улиц – упускать шанс хотя бы немного расширить знания о Государстве просто непозволительно.

К тому же, Сэм, пожалуй, был прав. Мы ехали сюда за сенсацией, яркими кадрами, информацией – и нам было с чем работать. Поездка не напрасно. А это уже чрезмерно многого стоило.

Около одного из дальних стеллажей меня нашел Сэм со своими покупками. Ушедшая в мысли, я не услышала, как тот подошел; потому вздрогнула, когда над ухом раздалось Сэмовское: "Штеф, я прибыл".

– Испугал, – фыркнула в ответ, недовольно прижимая книги к груди, – сейчас пойдем, дай мне минутку.

– Тебя нельзя отпускать одну в книжный, – парень подмигнул, весело улыбаясь.

А чего, собственно, было ему грустить? Сэм держал пакет с едой, материал у нас появился, работы предстояло много, а в больницу ближайший день нас явно не пустят. Сегодня должен был стать заслуженным отдыхом после тяжелого утра, наполненного не самыми приятными минутами.

К тому же, никто не запрещал побеседовать с жителями °22-1-20-21-14. А возможно, нам удалось бы даже пообщаться с военными – кто знает, может и здесь удача была бы на нашей стороне.

Я не секунду замерла, вспоминая в деталях нашу дорогу сюда. Подготовленные документы действительно хороши, мы смогли без труда пройти все таможенные блокпосты, но... *Но как мое досье пропало из базы сыска? Почему жнец не нашел меня в своей системе? Куда пропало мое имя?*

– Штеф?

– А? Ну, да... Нельзя, – натянуто улыбнулась, и мы медленно, поглядывая по сторонам, пошли к кассе. Наверху становилась шумнее: сирены, к которым слух понемногу привык, стали чаще; даже чудилось эхо от стрельбы (а может, шум кассовых аппаратов, да игровых наверху вносил смуты). Небольшая очередь почти не двигалась; девушка на кассе полусонно пробивала покупки, никуда не торопясь. Мы меланхолично ждали; Сэм даже успел сбежать в раздел философии, в то время как за пределами книжного началась какая-то суета. Голоса становились громче.

Покупатель, что стоял перед нами, вышел, внимательно изучая покупку, и наконец наступила наша очередь. Сэм расплатился первым и отошел, листая книгу, а я все поглядывала за стекло. Неразбериха становилась ярче и сильнее. Люди внезапно бросились бежать из продуктового к лестнице, расталкивая друг друга и бросая вещи. Мы с Сэмом встревожено переглянулись, но парень лишь пожал плечами; я поскорее расплатилась, быстро складывая драгоценные приобретения в портфель.

Секунда. Две. Именно в тот момент, когда мы с Сэмом хотели выйти из дверей, раздался пронзительный визг, безумно напомнившей мне крики, наполнявшие утром больницу.

Но то, что мы увидели, было страшнее зрелища в оной: люди, обычные люди, не пациенты из третьего корпуса, кидались друг на друга, с остервенением, с озверением терзая свою жертву, вырывая куски плоти...

Шум, неразбериха, паника. Все неслись к выходу, сбивая друг друга с ног, а затем попросту затаптывая упавших. Визг, грохот, плач. Подскочившая к нам продавец-консультант хотела было закрыть двери книжного...

– Заходите быстрее или уходите! – завизжала она и, не успев даже подумать, мы с Сэмом рванули обратно в магазин, и кто знает, что было бы, не вернись мы тогда.

Девушка дрожащими руками закрыла двери, и звуки сразу стали приглушеннее... Там, за стеклом, группа людей повалила на пол парня, склонилась над ним. Молодой человек размахивал руками, пытался подняться, оттолкнуть от себя напавших... Но те все более плотным кольцом окружали его, не давая ни единого шанса выбраться, и через пару секунд судорога свела его руку, и мы с ужасом увидели разрастающуюся лужу крови под ним.

Громкий крик заложил мне уши, и не сразу я поняла, что это *мой* крик. Один из склонившихся над юношей поднялся, посмотрел в нашу сторону... И его потускневшие, обьятые болезненной желтоватой пеленой глаза, устремленные на нас, его окровавленный рот, пережевывающий человеческое мясо, оторванные куски плоти на его шее, груди...

Передо мной все потемнело, и я почувствовала, как падаю.

Кровь. Крики. Потускневшее небо, жар от земли. Душно. Стая птиц у горизонта. Полустон-полувскрик.

Я резко распахнула глаза, хватая ртом воздух. В горле все пересохло, грудная клетка словно тисками сжата – дышать нестерпимо тяжело, почти даже больно. Голова гудела, а сердце билось в горле... Дикий страх вызванный, благо, лишь сном.

Сном?

Сэм, склонившийся надо мной. Его испуганные красные глаза. Он говорил много, тихо, и я не разбирала его слов. Казалось, что внутри все холодное, что замерзла, заледенела – но четко понимала, что ужасно вспотела.

– Штеф? – взволнованно шептал Сэм, – как ты? О, Небеса, если бы ты знала, как я испугался!..

Чувствовалось, будто прошла целая вечность, но я потеряла сознание чуть больше, чем на минуту. Резко поднялась, так, что перед глазами снова все поплыло: мы все еще были в книжном магазине.

– Нам нужно побыть здесь, – Сэм внимательно всматривался в мое лицо, говоря как можно спокойнее; от шума за пределами книжного кровь холодела, – подождать, когда все утихнет. Катерина вызвала подмогу. Нас заберут, – я кивала в ответ, не вдумываясь в слова; адова какофония на фоне слов Сэма не позволяла слушать больше ничего. – Только нужно сейчас спрятаться и сидеть очень-очень тихо, без единого звука, хорошо? – я подтянула ноги к груди, обхватила их руками и спрятала лицо в предплечьях. Сэм сел рядом со мной, приобнял и прижал к себе. – Сейчас мы в безопасности, потом все прояснится. Нужно просто подождать очень тихо, не высовываясь...

Не знаю, как долго я просидела в такой позе. В магазине становилось все тише, теперь шум доносился только сверху, с улицы; дремотное состояние опутывало и тянуло куда-то вниз. Организм заставлял заснуть, перестать слышать и думать, но на грани сознания я продолжала слышать крики, различать звуки стрельбы и вой сирен. И точно что-то взрывалось; стеллажи с книгами дрожали, и пол дрожал, и меня охватывала дрожь.

Проваливалась в сон. От усталости, от перенапряжения. Полусознательное состояние. Голова тянулась вниз, тело стало непослушным, ватным... И все вокруг превращалось в эфемерную вуаль.

А когда открыла глаза, вокруг был полумрак. У стеллажа напротив сидела девушка, работавшая в этом магазине и закрывшая двери. Она немного покачивалась из стороны в сторону, обняв себя руками. Ее тушь растеклась, лицо сильно опухло, а аккуратный пучок на голове

растрепался. Я вспомнила, как Сэм упоминал какую-то Катерину; видимо это и было ее имя. Ощувив мой взгляд, девушка подняла глаза.

– Сколько прошло времени? – во рту у меня пересохло.

– Больше пяти часов, – тихо проговорила та в ответ. Я услышала тяжелый вздох Сэма и обернулась к нему.

– Что там?

Сэм некоторое время помолчал, подбирая подходящие слова:

– Я не знаю, как это описать... Будто преисподняя развернулась, Штеф, – голос у него тоже немного дрожал, – нельзя, чтобы *те* нас видели. Я хотел подойти к выходу, посмотреть, что происходит; меня заметили эти *твари*, начали двигаться в нашу сторону, навалились на двери. Я сразу ушел в слепую зону, а *их*, к счастью, что-то снаружи отвлекло. Снаружи доносилась сирена, потом по громкоговорителям везде стало передавать одно повторяющееся сообщение, – парень тяжело сглотнул и посмотрел на меня. – Ты не помнишь? Не слышала? – я покачала головой. – Просили ни паниковать, ни выходить на улицы, не пересекаться с *зараженными*. Я думаю, это связано с больными. Видимо, *им* удалось выбраться из больницы... – Сэм тяжело выдохнул, облизав пересохшие губы, – часа три назад все резко затихло, но я не рискнул выходить еще раз. Сверху шум еще доносился; а еще минут через сорок такой взрыв сильный, но отдаленный, и после этого пропала связь.

– *Те* ходят снаружи, ищут что-то, – вдруг проговорила Катерина. – Мы решили переждать здесь подмоги и пока не предпринимать ничего... – по спине моей пробежал холодок. Сэм остекленевшими глазами смотрел сквозь меня, – *Они* пытались ломиться к нам, потом затихли... – девушка вновь опустила голову.

– Тебе попить нужно, – тихо сказал Сэм, дотрагиваясь до моего плеча.

Я покачала головой, хотя пить и вправду хотелось. В голове все перемешалось. *Мне было до ужаса страшно*. Дикий страх, вязкий, тянущий... Сэм, не произнеся ни слова, обнял, притянул к себе. Я не заметила, что плачу. Думала об Эндрю – ведь он остался там, прямо около больницы, – волновалась за наши с Сэмом жизни. Стены и потолок сдавливали, но за пределами этой клетки еще большая неизвестность и опасность. А вдруг нам не удастся выбраться? А что если нас ждет западня? Или мы останемся здесь замурованы?

И иронично, точно насмехаясь, прямо напротив нас стояла полка с религиозной литературой. Центральное место занимала красная Книга со Святым писанием, на обложке которой цветами были заплетены филигранные буквы: "Мы под защитой Богини Матери".

– Штеф, – тихо прошептал парень, глядя меня по волосам, – тише, упокойся... Все будет хорошо, слышишь меня?

Я качала головой, сжимая его толстовку... Невозможно. Невозможно. Почему мы были здесь? Почему помощи все еще не было? Почему вдруг люди натурально озверели?

Все было словно в тумане. Все, что происходило, походило лишь на постановку, шоу. Я не могла здраво мыслить и оценивать ситуацию. Не могла просто понять, что произошло. Эти люди, эта паника, эта кровь... Паника была самой опасной в этой неразберихе, и какое-то чудо, что мы не оказались за стеклом. Было жутко просто представить, что могло произойти, выйдя мы из магазина на пару минут раньше.

Я не знала, что сейчас происходило за пределами этого помещения. Не хотела знать. И хотя понимала, что выйти рано или поздно придется, но даже боялась пошевелиться, сидя здесь, даже мысль о том, что случится выйти наружу, казалась дикой и неестественной.

Лампы, источавшие тусклый свет, гудели и периодически мигали. В те секунды, когда книжный на пару мгновений погружался во мрак, казалось, что вот-вот из-за стеллажа выйдут *они* и нам конец. Я не имела понятия о том, кто *они*. Я просто боялась *их*. Боялась этой неизвестности и опасности, которую не могла ни объяснить, ни понять. Каждый раз мое сердце замирало, и я судорожно вдыхала воздух, сильнее прижимаясь к Сэму... Конечно, не будь я

так заиклена на собственном страхе, то увидела бы, что не одна была так напугана: Катерина сняла туфли и ходила взад-вперед около нас, пытаясь, видимо, тем самым успокоиться; Сэм тяжело дышал и закрывал глаза, переводя дух. Я с ужасом стала осознавать, что мы загнаны *в клетку*. Кто знает, что там, на улице? А что если наверху все *так же, как и здесь? А что если наверху хуже?*

Изолированный Север представлялся теперь впрямь иначе. Как и попытки скрыть разрастающуюся эпидемию. Значит, зараза уже здесь? Как скоро она доберется до Центра? Как скоро окажется в Мукро, столице? А дойдет ли до Штиля? Как скоро охватит все Государство? От Ледяного моря до Большого океана? И почему ничего *истинно* не делается, чтобы это остановить?

Потолки в магазинчике не были перекрыты и, подняв голову, можно было видеть трубы и провода. Лампы здесь напоминали больничные, и это еще сильнее вгоняло в безумную агонию ужаса. Эта тишина, прерываемая лишь нескончаемым гудением ламп, сводила с ума. Затухание света... Этого не может быть. Это все нереально.

Катерина вдруг остановилась вслушиваясь. Я насторожилась и замерла, почти не дыша. Никаких других звуков не было. Я недоуменно глянула на девушку, но та лишь постаралась улыбнуться. Мне этот жест показался странным и, возможно, в некоторой степени бестактным, ведь погибли люди, и сами мы тоже оказались в западне.

Скинув жакет, Катерина опустила на пол около меня. Сначала я хотела было отодвинуться, но не сделала этого.

– Вы не против? – спросила она, опустив голову на мое плечо, – становиться прохладно, не находите?

– Кажется, – я осторожно попробовала ее лоб, – у Вас температура.

– Это ничего, – девушка вновь улыбнулась, – перед тем, как пропала связь, я успела позвонить мужу. Он завтра возвращается с командировки и заберет меня отсюда. Часов в восемь утра. И все будет хорошо.

Я глянула на нее с некоторым сочувствием или даже пренебрежением... Действительно ли она верила в то, что все будет хорошо? Или это я не могла поверить в эту мысль? Слова Катерины “все будет хорошо” не успокаивали. Нет, они звучали как-то обреченно и жутко, будто предвестник того, что все сложится совершенно иначе.

Но нужно было убеждать себя, что это лишь страх перед неизвестным нагоняет такую нестерпимую тревогу. Нужно было успокоиться... И единственным способом сделать это, было полагаться на простое самовнушение, что именно завтра все наладиться.

Все будет хорошо. Завтра Катерину заберут, завтра придет помощь. Завтра все вернется на круги своя. Завтра мы выберемся. Завтра мы вспомним сегодняшний день с улыбкой, ведь завтра все будет хорошо...

Небеса, дайте нам силы пережить этот день и эту ночь.

3

Состояние опустошенности и апатии. Состояние, когда ты все еще не можешь поверить в случившееся, хотя где-то на подсознательном уровне все осознаешь. Ты будто ни жив ни мертв, кусок мяса, снабженный мозгом, но потерявшим возможность мыслить... В такие моменты больше всего на свете хочется забыться или кричать, вопить, выплескивая наружу все то, что не можешь произнести.

Мы кричать не могли. Не могли звать на помощь, не могли помочь себе сами. Гребаный второй час мы молча сидели, смотря по сторонам и боясь даже дышать. Пытаться выбираться самостоятельно казалось чем-то невозможным и сумасшедшим. Мы ждали обещанной помощи, которая в ближайшие двадцать четыре часа должна была нас вытащить.

Покорное ожидание своей участи, когда не видишь иного выхода, сжигало изнутри. Страх неизведанной нам опасности сменился жутким ожиданием конца. Свет продолжал мигать, лампы, казалось, стали гудеть еще сильнее. Молчание начало сводить с ума всех нас, и мы шепотом, содрогаясь от каждого шороха, заговорили друг с другом. Говорили о книгах, о работе, но ни слова о случившемся, дабы не вгонять друг друга в еще большую панику.

А затем Катерина задремала. Как оказалось, она работала здесь вторую неделю, попутно подрабатывая в городской библиотеке. Странно было это осознавать, но мы были ей должны жизнью. Кто знает, что было бы, не успей мы зайти в книжный, или непусти она нас обратно... Эти мысли возникали у меня все чаще. Тогда удача благоволила нам, и мы не оказались в руках зараженных. Но что если спасение не придет? Что если мы загнали себя в еще худшее, в ловушку? Меня трясло от волнения и страха.

Страх, страх, страх... Все, о чем я могла думать. Страх и кровь. На моих глазах *загрызли* человека. Но моих глазах *они* загрызли человека. И этому не было объяснений.

Сэм крутил в руках выключенный телефон – зарядка села, – но в любом случае от этого гаджета, будь он даже в состоянии работы, толку не было. Мои ноги затекли; я аккуратно поднялась, укладывая Катерину на мое место. Сэм, вздрогнув, недоуменно посмотрел на меня. Я чувствовала, как дрожат мои руки и ноги, как внутри меня все сжимается...

– Ты куда собралась? – спросил Сэм, но я не ответила, погруженная в мысли. Его красивое лицо в этом мигающем свете приобрело болезненно-мучительное выражение, а золотистые волосы потускнели... И в этот момент его любимая шикарная футболка с монстриком, показывающаяся из-под толстовки, была насмешкой ко всему этому безумию.

В те минуты я не могла думать ни о чем, кроме происходящего вокруг. Стерлось прошлое. Исчезло будущее. Политические игры, журналистские авантюры, гражданский протест, амбициозные планы – все рассыпалось прахом на ладони, пеплом на зубы. Еще долго я не смогу вернуться мыслями к чему-то помимо крови и первобытного страха. В секунду, когда смерть дышала в затылок, даже ад Государства казался раем, куда хотелось скорее вернуться.

Я вытерла вспотевшие ладони о джинсы и повернулась. Аккуратно, сняв туфли, подошла к краю стеллажа и выглянула из-за него. Все стекло было в грязно-красных разводах, отпечатках рук. Там, за ним, ходило пару человек. Медленно, еле передвигая ноги... Мое сердце бешено колотилось, кровь билась в ушах, во рту пересохло. Парня, которого разорвали, уже не было. Лишь одна большая лужа крови, куски мяса и остатки одежды... Я дрогнула. Где он? *Где он?* Он же не мог после подобного встать и уйти? Или не могли же его *съесть* полностью? С костями?! Может спасатели уже были здесь? Или его куда-то утащили?..

Пошатнулась, ужасаясь собственным мыслям. *Съели*. Невозможно!.. Бред, все бред – это ведь были лишь сплетни, рассказы, слухи, сотканые из помутненных рассудков и злословия, махинаций таможенных баронов и осмелевших градоначальников... Это ведь был спектакль. Это ведь был он? Чтобы люди искали спасителей в лице правительства?

Вновь накатил рвотный позыв, и я поспешно отвернулась. Закрыла глаза, взявшись за голову. Земля уходила из-под ног. Я постаралась успокоиться, восстановить сбившееся дыхание. Сделала первый шаг обратно, пошатнулась. Придет ли спасение? Когда нас заберут? Заберут ли? А если все будет иначе?.. Я прижала руку к грудной клетке, ощутила, с какой силой бьется сердце.

Сэм внимательно наблюдал за каждым моим движением и с напускным спокойствием улыбнулся, пытаясь, видимо, тем меня приободрить. Меня передернуло. Я хотела было ему что-то сказать, но задумалась о постороннем. Все свалилось так внезапно... И самое ужасное было то, что объяснений этому не было. Нам просто не успели их сообщить. Прибудь мы на сутки раньше, пройди наш разговор с Гивори, как первоначально было запланировано – иначе было бы все.

На стене висел план эвакуации в случае пожара. Я понимала, что сидеть здесь – не выход. Но иного пути, казалось, тоже не было. Ни Сэм, ни уж тем более Катерина, не могли сказать мне ничего толкового, лишь сильнее сбивали с мыслей и нагоняли паники.

В животе громко заурчало. Я со страхом обернулась...

– Есть хочешь? – с невозмутимым лицом проговорил Сэм, хотя сам напрягся. Я покачала головой, несмотря на то, что единственное, что побывало с утра в моем желудке – лишь стаканчик второсортного кофе. При мысли о еде, во рту появился кислый привкус, а в животе все будто перевернулось... Перед глазами – картинка за стеклом.

Но слабость во всем теле давала о себе знать. Где-то на грани сознания я понимала, что нужно было заставить себя проглотить хотя бы что-то.

– Сэм, – с какой-то мольбой в голосе проговорила, подходя к парню и подсаживаясь рядом, – Сэм, нас же правда вытащат? Ты слышал разговор Катерины? Ты сама слышала, что помощь придет?

Тот бросил на меня быстрый взгляд, и сжал зубы так, что на его лице выступили желваки; помолчал с пару секунд. Затем тяжело выдохнул и вновь постарался натянуть на лицо подобие улыбки.

– Конечно! – Сэм кивнул, – обязательно вытащат! Я сам слышал. Слышал, Штеф. И, думаю, что скоро все прояснится, и мы будем жить как раньше, – но не успела я ответить, как Дорт тут же продолжил. – Хотя, жить как прежде? Но как? С такими-то воспоминаниями? Не представляю, что смогу потом спокойно спать. И воспринимать окружающий мир, как прежде, – Сэм осекся. Посмотрел на меня долго, серьезно. Катерина заворочалась и вновь замерла. Она спала беспокойно, кашляла, постанывала. Мы с Сэмом встревожено переглянулись.

– Да. *Произошедшее точно многое переменит.*

В животе опять противно заурчало.

Еле-еле нам удалось съесть пару галет.

Затем, чтобы хотя бы как-то отвлечься, я взяла первую попавшуюся книгу со стеллажа и начала читать, ежеминутно останавливаясь и вслушиваясь в тишину. Даже к гудению ламп и нескончаемому миганию света я привыкла. Через некоторое время и Сэм принялся за чтение, дабы убить тянущиеся минуты.

Я читала, не понимая смысла написанного. Смотрела на буквы, но не могла прочесть слова. Голова болела. В груди щекоталось чувство тревоги. Незаметно для самой себя, я постукивала ногой о пол, силясь унять дрожь в теле. Время тянулось, а чувства постепенно притуплялись.

Ночь я провела в состоянии, похожем на беспамятство. Вспоминается, как пару раз просыпалась Катерина, как ее била истерика и мы с Сэмом успокаивали ее; как свет полностью погас и страх нахлестнул с новой силой. Как я боялась открывать глаза, как в двери опять ломились. Как сидела, обняв свои ноги и силясь не заплакать... Как наверху отдаленно гудели

сирены. Как эхом доносились отзвуки взрывов. Как я хотела бежать из этого места. Как сначала спал Сэм, а я сидела на дежурстве и думала, что не смогу уснуть... А потом он сменил меня, и я легла на пол, сжавшись и смотря в одну точку. И сама стало точкой. Маленькой песчинкой среди миллиардов тысяч звезд в бесконечном холодном небе.

И я не знала, сколько прошло времени, прежде чем меня поборол тревожный и болезненный сон. Не помню, когда усталость овладела мной настолько, что я провалилась в бессмятство. Мне снилось, что я бегу куда-то, и кто-то гонится за мной, но я не вижу его лица. Я бежала, не чувствуя земли под ногами, спотыкалась, падала, вновь поднималась. Снилось, как я бегу, но не могу сдвинуться с места. Мне снилось, как мертвые нападали на живых... Во сне я была уверена, что *они мертвые*. Мне снилась кровь. Много крови. Все мои руки были в *чужой* крови. И я плакала во сне. Плакала навзрыд, задыхаясь, захлебываясь собственными слезами. Молила о помощи, кричала в небо и не получала ответа. И я чувствовала боль, которая разрывала изнутри... И снег мне снился. Я лежала на земле, смотря в серое небо, а крупные хлопья снега падали на меня. И было так холодно, что я не чувствовала своего тела. Но чувствовала, как мое горло стягивало что-то холодное и скользкое, напоминающее змей. Снег валил. И жуткий страх...

Я проснулась резко, тяжело вдыхая и быстро переворачиваясь. Сердце бешено колотилось. Слышался глухой стук в дверь. Меня била сильная дрожь.

– Сэм? – беспорядочно тихо зашептала я, смотря по сторонам, – Сэм?!

Парень показался из-за стеллажа, вооруженный длинной шваброй. Волосы на его голове были растрепаны, покрасневшие глаза воспалены.

– Тише, – шикнул он, – *они там*. Трое. И... – Сэм проглотил продолжение фразы, не в силах ее завершить. Что "и"? Я не знала. Но и не спрашивала. Я просто боялась и все. Всего боялась. Эта темнота, этот стук и хрипение... Я хотела закричать, чтобы заглушить посторонние звуки, не слышать их. Но лишь кивнула Сэму, опускаясь вновь на пол и устремляя взгляд в потолок.

Осознание собственной никчемности перед сложившимися обстоятельствами убивало, ведь выход был лишь один – наверх, через двери. Но там, за стеклом, нас ждали зараженные. Мы все сомневались, *живы ли они вообще*, ведь *невозможно жить с такими ранами*. К тому же... Кем еще они могли быть? Сумасшедшими? Каннибалами?

Оставалось просто ждать. И мы сами даже не знали: чего или кого. Это ожидание туманило сознание, рисовало в воображении страшные картины ожидавшего нас неминуемого будущего. *Если оно существовало для нас*. Кто знает, что сейчас наверху?

Ехали за материалом, а угодили в ловушку. Почему нас не остановили новости последних недель? Почему не напугало повсеместное закрытие городов? Почему мы пропустили все это мимо внимания? Почему мы так легко выкинули из головы тех пациентов в больнице, которые нападали, валили из дверей? Почему *люди с улицы стали такими же, как те пациенты?*..

И главное. Почему Трое не разгласить происходящее на Севере? Не предупредили о Северной заразе?

Сэм продолжал стоять чуть поодаль меня, выглядывая через книги на двери. В его руках швабра. На нем футболка с карикатурным монстром. Комичность и ужас ситуации поражали. Разве может быть так смешно, когда кровь стынет в жилах?

Нас накрыло все происходящее с головой, словно внезапно поднявшаяся волна сбила не ожидающего человека с ног и повалила на горячий песок... Трудно было собраться и осознанно все обдумать, а ведь это, собственно, и нужно было сделать. Но разве мы могли?..

Слишком напуганы. Слишком потеряны.

Не знаю, в какой момент, но я снова задремала. Просто провалилась в беспамятство на пару часов. Когда же вновь открыла глаза, надеясь увидеть свою комнату или, в крайнем случае, потолок трейлера, стон разочарования вырвался из груди. Я не хотела подниматься, и первые секунды продолжала лежать, свернувшись в клубочек. Слышала, как Катерина тихо переговаривалась с Сэмом.

– Который час? – проговорила я, поднимаясь на ноги. Вся ночь казалась чем-то чужим, будто вовсе не я пережила ее.

– Почти восемь, – ответила мне девушка, убирая выбившуюся прядь волос за ухо и обורачиваясь. Я коротко кивнула, попутно глянув на Сэма, все еще стоявшего у стены с той самой шваброй. – И... *эти* ушли.

Я облегченно выдохнула, и будто камень упал с моей души. Зараженные ушли! Значит, мы сами сможем выбраться отсюда! Как можно скорее, прочь из этого ужасного места! Страшно было решиться на это, но не менее страшно было ждать. Когда мы выберемся, наконец-то можно будет узнать, что произошло... И можно будет забыть эти сутки навсегда, выкинуть этот ужас из головы!..

Но такая яркая и идеальная фантазия вдруг меня напугала, даже обескуражила... И смутное сомнение закралось где-то в душе. *Никто не мыл полы от крови. Никто не шел на работу. Никто не пытался нас спасти.*

Но так хотелось надеяться на то, что скоро все вернется на свои места. *Должно вернуться. Я все еще верила в это. И вера это единственное, что у нас оставалось.*

– Штеф? – я дернулась, посмотрев на Сэма. Тот, видимо, позвал меня не первый раз.

– Мы должны уходить отсюда. Сейчас. Пока есть возможность, – отчеканила в ответ.

– Уйти? – парень даже растерялся.

– А если *они*... там? – Катерина цеплялась пальцами за крупные деревянные пуговицы жакета. – За нами должна прийти помощь. Может подождать? – с надеждой добавила она. В один момент, выход наружу стал для меня каким-то неестественным и, откровенно говоря, я попросту не знала, как нам действовать. У меня не было никакого плана. *Я не знала ничего.*

– А если помощи не будет? – голос мой тихий, безэмоциональный; я медленно посмотрела на Сэма. В его глазах – сомнения и разочарование. – Сколько мы здесь просидим? Мы не можем с уверенностью сказать *ни кто они, ни на что они способны*. Кто даст нам гарантию, что мы здесь в безопасности? Не пойми какое дерьмо происходит!.. Под землей я не останусь.

– А кто даст нам гарантию, что мы будем в безопасности наверху? И что мы будем делать, когда выберемся? – Катерина не отступала.

– Сэм, – я продолжала игнорировать девушку, смотря Дорту в лицо, – не забывай, Эндрю еще там. Он бы не уехал без нас, в этом я уверена. Нужно вернуться. *Мы обязаны вернуться.* Пока есть шанс выбраться.

Он продолжал молча стоять, сверля меня взглядом, но затем неуверенно кивнул, мельком глянув на Катерину.

Все это напоминало какой-то бред, сон, галлюцинации.

– Ладно, – я убрала волосы назад, – хорошо, попробуем.

Сэм кивнул, подал мне бутылочку воды, а сам, не произнеся ни слова, прошел за стеллаж, чтобы проверить обстановку за стеклом. Почти тут же поднялась Катерина, придерживая свою сумку и протягивая мне мой портфель. Я глянула на девушку, еще раз рассматривая ее лицо. Рыжие волнистые волосы до лопаток, большие светлые глаза, опухшее от слез лицо. Она еле стояла на ногах. Казалось, сделай она несколько шагов, тут же упадет без чувств.

– Пойдем, – прошептала я, беря ее под руку, – догоним Сэма.

Тот уже ждал нас, сжав в руках ту самую дурацкую швабру и с подозрительностью глядя в темноту зала за стеклом. Мы замерли у двери на несколько мгновений. Я смотрела вперед, и мне совершенно не хотелось идти туда. Бросила на Сэма отчаянный взгляд, но тот качнул головой. Катерина достала ключи, подошла к двери...

– Вперед! – хрипло сказала сразу же после того, как девушка открыла дверь. Запах крови и гнили ударил в нос, во рту стало кисло; я, как можно скорее, закрыла нос рукой, пытаюсь побороть рвотный позыв. Медленно, смотря по сторонам, мы двигались к лестнице. На полу была кровь, ошметки одежды, куски мяса... Где-то в глубине продуктового магазина мелькнула тень. – Сэм! – быстро зашептала я, дергая парня за толстовку, – Сэм! – тот обернулся, выставляя швабру перед собой. – Быстрее! К лестнице! – Катерина схватила меня за руку, и мы рванули почти мгновенно. Сердце билось в глотке, в ушах все свистело и гудело. Сэм устремился за нами.

Я резко остановилась наверху ступеней, придерживая Катерину и Дорта, и выглянула из-за перил в зал. Там было пусто. Лишь кровь, разбитые стекла, перевернутый автомат с кофе...

И чье-то бездыханное разорванное тело в углу.

Меня будто пронзили. Я рвано глотнула воздух, не в силах оторвать взгляда. Сэм попытался меня дернуть, но я все так же стояла, замерев на месте.

Страх. Страх. Страх.

– Штефани, нам нужно идти, – Сэм потянул меня за собой; теперь уже он осторожно и внимательно вел нас к выходу. Катерина все еще крепко сжимала мою руку, пытаюсь держаться как можно ближе. Мы боязливо смотрели по сторонам, не чувствуя ни пола под ногами, ни твердости в самих ногах. Я отчетливо слышала какие-то звуки.

Да что же происходит? Что происходит?!

– Давайте! – Сэм открыл дверь, – быстрее, вперед, быстрее!

Мы вылетели на улицу, и беззвучный крик вырвался из моей груди. Сэм замер, ошарашенно смотря по сторонам. Катерина закрыла рот рукой...

Перевернутые догорающие машины. Копоть. Запах гари, и еще чего-то тошнотворно мерзкого. Недалеко дымил разбитый вертолет. Пустота. Тишина. Тела людей. Разорванные, с разбитыми головами. Где-то вдалеке, свистя колесами, пронеслась одинокая машина, сбивая все на своем пути.

Сильный холодный ветер обжог лицо, растрепал в одно мгновение волосы. Было темно – тяжелые тучи закрывали небо, свет нигде не работал. Вокруг нас был погром, разруха... Будто нас выбросило совершенно в другой мир. Мы жили в одном, мы вчера еще жили в одном, а сегодня нас перенесло в какую-то жуткую реальность. Я не могла ни то что мыслить, не могла нормально дышать... И даже после всех трупов внизу, после того, как на моих глазах разорвали человека. Я не могла поверить, что все это происходит вправду. Особенно видя то, что на улице *трупов еще больше.*

Катерина заплакала, опускаясь на землю и тихо поскуливая, дабы не зарыдать в голос. Я хотела кричать, но оставалась нема. Я хотела проснуться, забыться, вернуться домой.

– Карлос! – вдруг вскрикнула Катерина, и я сама чуть не закричала от неожиданности. Быстро обернувшись, я увидела, как Катерина бросилась на шею какому-то молодому человеку, за плечами которого был огромный рюкзак. Девушка плакала навзрыд, не в силах успокоиться, а мужчина прижимал ее к себе, запуская руки в ее волосы и что-то спешно говоря. Вдруг он посмотрел на нас с Сэмом, кивнул.

– Спасибо, – проговорил он охрипшим голосом, – что были с ней...

– Что произошло? – спросил у него Сэм, чуть ли не перебивая.

– Без понятия, правда, – обеспокоено ответил Карлос, – передавали о всеобщей эвакуации, об опасности пересекаться с этими тварями, – мужчина закачал головой, – нужно выби-

раться. Мой вам совет – берите машину и уезжайте как можно быстрее, оставаться здесь просто безумие. Мы бы взяли вас с нами, но машина занята.

– Ничего, – сглотнув, кивнул Сэм, – нас тоже ждут.

Катерина повернулась к нам, ничего не говоря. В ее глазах – немое прощание. Девушка вытерла глаза и полезла в карман. Еще через мгновение она кинула нам ключи от магазина.

– Если, вдруг, понадобится вернуться, – всхлипнула Катерина, а я подумала, что ни за что не хотела бы вновь очутиться там, – прощайте! Удачи вам!

Я кивнула, а Карлос, все так же прижимая Катерину к себе, повел ее через дорогу. Вдруг раздался раскат грома; казалось, что небо прямо над нашими головами затряслось. Я сжалась, схватившись за толстовку Сэма, и только затем мы сделали первый шаг прочь от этого места. Парень поддерживал меня, шептал что-то, а я еле переставляла ноги. Шаг за шагом, каждый из которых давался все болезненней. Вокруг все дымилось. За всю свою жизнь я не видела ничего подобного.

Темно и промозгло было на улице. Мы смотрели по сторонам, не веря глазам, и со страхом продолжали идти вперед.

Прошло не более пяти минут, когда, внезапно, Сэм замер на месте. В один момент, его глаза округлились.

– Штеф, смотри!..

4

Я обернулась, в страхе увидеть *что-то*, что могло нас *убить, разорвать*. Но как только моим глазам представилось то, на что показывал Сэм, в моей душе зародилась надежда лучшего исхода истории. Надежда на то, что и нам удастся сбежать из этого ада. *Надежда на то, что мы будем жить*.

В нашу сторону двигались военные. Их было человек восемь. Кого-то несли на руках.

– Хей! – вдруг закричала я, подпрыгивая и махая руками. Уверенность в том, что они помогут нам, сразу же одурманила меня. Кому как не им знать обо всем этом дерьме?!

– Тише ты! – вдруг одернул меня Сэм. – Они нас и так видели! Не привлекай лишнего внимания!

– Сэм, какое счастье, Сэм! – беспорядочно шептала я, – нас вытащат! Мы вернемся домой!..

Мужчина с каким-то отчаянием глянул на меня, но я не обратила на это внимания. Не хотела. Мне хотелось, чтобы все наконец-то прошло... И забылось. Пусть даже не через день, месяц. Пусть через годы, но стерлось из памяти. И тогда, когда появилась эта шаткая надежда, моя усталость будто прошла. Мне казалось, что я способна горы свернуть... Я была одурманена страхом и мечтала о том, чтобы этот кошмар закончился, а мне наконец-то объяснили, что происходит.

Но порой наши надежды не оправдываются.

Я потянула Сэма вперед, и мы поспешно зашагали навстречу военным, на секунду даже забыв про страх и опасность. И пусть ноги уже не несли, пусть все тело продолжала бить мелкая дрожь – я старалась как можно скорее оказаться рядом с военными, дабы получить ответы хотя бы на какие-то вопросы.

– Что происходит? – выкрикнул Сэм, когда мы еще даже не успели сравняться с военными. Я обеспокоенно глянула на него; Дорт никогда не любил людей в форме, презирал все, что связано с оружием и насилием. Насколько же он в отчаяние, что готов первым завязать диалог.

– Ничего хорошего, – услышали нам в ответ, – все, что оставалось от города, за ночь скосила какая-то зараза. И теперь нужно поскорее искать безопасное место.

Скосила город? Я пошатнулась и замерла на месте. *Скосила город...* Слова эхом отдавались в моей голове. *Скосила город*. Всего ночь прошла. Вчера все было нормально. Вчера все было сравнительно нормально!

Военные быстро приближались к нам, а Сэм внимательно смотрел на них. Я понимала, о чем он думал. Военным не было резона помогать нам, разве что, если они могли бы извлечь из этого какую-то выгоду. Надеяться на бескорыстие и добрую душу не приходилось, ведь в наше время люди не особо-то этим славятся.

– Вы ранены? – спросил один из военных, когда те почти подошли. Сэм отрицательно мотнул головой.

– Нет, но, похоже, раненные есть у вас, – осторожно начал он, – а мы знаем, где есть более-менее безопасное место; мы провели ночь вот в этом магазине, – тут же лихорадочно выпалил Сэм. – Нам нужна помощь и...

– Обсудим все по дороге и на месте, – не дал договорить Сэму один из военных. Это был мужчина лет сорока-сорока-пяти; короткие засаленные черные волосы, кое-где тронутые сединой, темные изогнутые брови, узкие губы. Он уверенно шел впереди остальной группы, прижимая к груди автомат. – Если постараетесь завести нас в ловушку – пожалеете.

– Тогда идите за нами, – и Сэм потянул меня, бесцеремонно рассматривающую военных, назад; группа состояла из мужчин и двух девушек, одну из которых, раненную, несли на руках.

Ее куртка была повязана на бедрах, футболка пропиталась кровью – плечо сильно кровото-чило, но девушка еще была жива: она изредка дергалась, рвано глотая воздух.

Мужчина, за которым следовали остальные, поравнялся со мной и Дортом, и взгляд его был не менее выжидающим и заинтересованным, чем мой собственный. Военный был чуть выше Сэма; от него на каком-то физическом уровне веяло твердостью и уверенностью. Краем глаза я заметила, что в нашу сторону направлено несколько оружейных стволов.

Я бросила быстрый взгляд назад. Военные как военные. Черные костюмы, тяжелые высокие берцы, увесистые рюкзаки за плечами, разгрузочные жилеты, куртки, наколенники и налокотники. На поясах военных – ножи, подсумки; у кого-то была кобура на груди, и кого-то на ногах.

– Как вам удалось пережить эти сутки? – хрипло и отрывисто спросил идущий рядом с нами мужчина. – Или для вас все происходящее стало открытием сегодняшнего утра?

– Мы не были снаружи со вчерашнего дня, – ответила я резче, чем хотела. – Вчера, около полудня, мы закрылись в книжном магазине с сотрудницей. Цокольный этаж. Окон нет. Нас не видно, и нам не видно. И только сегодня решили выбираться. Мы ждали помощи, но ее не было, и пришлось рассчитывать только на себя. Откровенно говоря, мы вообще не до конца понимаем, что происходит.

– Что ж, тогда скажу, что вам крупно повезло, – с небольшой паузой проговорил мужчина. – Окажись вы на улице вечером или ночью, то, скорее всего, не выжили бы, – военный задумчиво махнул головой, а я старалась не поддаваться панике.

– Роберт, – один из группы, высокий темноволосый и темноглазый мужчина, подошел к шедшему рядом с нами военному и что-то тихо ему сказал.

– Делай все, что в твоих силах, – ответил тот, чье имя было Роберт; как я поняла, это был командир группы. Второй военный качнул головой, сжимая губы.

– Слишком много крови, – коротко отрезал он. Роберт помолчал, затем посмотрел на нас.

– Аптека там есть?

– Да, – кивнул Сэм, – прямо у входа. Первый павильон налево.

– Возьми Стэна и собери что нужно, – Роберт махнул вперед. – Мы будем на цокольном. И, Михаэль, – командир придержал военного на мгновение, – *сделай* все возможное в нынешних обстоятельствах.

Двое военных устремились вперед. Роберт продолжал задавать нам короткие односложные вопросы, в основном касающиеся того, как мы прибыли в город, сталкивались ли с зараженными, как удалось пережить ночь. На мой ответ, что мы журналисты, и прибыли сюда собирать материал, военный горько усмехнулся, затем внимательно всматриваясь в наши лица. Он ничего не сказал, но я видела, что это информация нашла в нем прямой отклик.

Передвигались быстро. Сэм был будто опьянен, а сама ситуация казалась не более чем разыгранным спектаклем. Военные доверились незнакомым людям, в то время как мы слепо надеялись найти помощи. В голове кавардак. Я сама чувствовала себя не более чем какой-то куклой. Беспрекословно следовала за Сэмом. Не спрашивая, надеялась на что-то и чего-то боялась. И эта неизвестность была хуже всего.

С тяжелым сердцем я вновь входила в магазин. Затем по лестницам вниз.

Один из военных пошел вперед нас, прицелившись в темноту, другие также держали оружие наготове. Все молчали. Гробовую тишину разгоняло лишь гудение мигающих ламп.

А я все думала о том, почему не предпринималось никаких централизованных и обширных действий "сверху". Если весь Север погрузился в этот оживший кошмар, этот хаос; если эта зараза, – инфекция, вирус или помешательство, – захватывала с такой скоростью все вокруг: почему никто не старался помешать? Почему затыкали рот прессе? Почему жертвовали здоровьем и жизнями людей?

Что за напасть, если выжить ночью в городе было чем-то запредельно возможным?

Опять книжный. Опять жуткий зал продуктового. Опять кровь на полу... А ведь буквально сутки назад все было иначе, я и представить не могла, что попаду в такую передрыгу. Еще сутки назад солнечный свет мягко проникал через разноцветные жалюзи в салон трейлера. Я помню, в какой эйфории мы выезжали – очертания нашего города еще даже не скрылись за горизонтом. Впереди нас ждала долгая дорога, но я радовалась ей, радовалась тому, что нас ждет работа. Тем более, такое интересное дело! Уже предвкушала, как буду вести расследование, брать интервью у врачей, у пациентов. Эндрю громко подпевал под радио, находясь в бодром расположении духа. Я сидела на постели и весело болтала с Сэмом. Тот постоянно шутил, отмахиваясь от работы – в его голове были игры, сериалы и тусовки с друзьями.

Еще сутки назад трейлер быстро уносил нас от дома в неизвестность. Что было в наших сердцах? Азарт? Да, азарта было много! Хотелось показать, кто мы, на что способны. Хотелось оказаться лучше всех. Хотелось привезти такой материал, который никто не мог раздобыть, который никто еще не мог озвучить и опубликовать. Думали мы о том, что это может быть опасно? Да, безусловно, но далеко не так все представлялось. Мы целый месяц выбивали разрешение у шефа, чтобы он именно нам отдал это дело. Репортаж обещал быть интересным, насыщенным... Мы ехали вперед, передо мной была толстая тетрадь с вырезками из газет и моими собственными заметками по делу. Передо мной была толстая папка с выданными нам пропускными документами. В голове созревает план дальнейшей плодотворной работы. В голове – осознание, какую ответственность на нас возложили; что хотели получить от нашей поездки.

А все обернулось в подобие горячечного бреда.

Я плохо помню минуты того утра. Вспоминая их потом, не могла вернуть в памяти конкретные образы; может оно и лучше, может мой мозг не позволил мне запомнить все в мельчайших деталях, чтобы я не сошла с ума от постоянного возвращения к этим жутким картинкам. В моей голове и так было слишком многое, что лучше бы предалось забвению.

Единственное – точно помнила, как закрыла дверь в книжный, когда двое последних военных вернулись из аптеки. Тогда я еще раз посмотрела в темноту зала за стеклом и вздрогнула. Пугающе тихо и пусто. Ушла к Сэму, который сидел чуть поодаль; опустилась на пол рядом с ним, пока военные старались спасти умирающую девушку.

Минут через десять все было кончено. Девушка умерла от потери крови. Роберт что-то проговорил над телом, закрыл девушке глаза; военные тяжело осознали потерю своего человека, хотя виду не подавали. Разошлись по сторонам в безмолвии. Вторая девушка группы, невысокая блондинка с короткой стрижкой, обняла мужчину с копной выющихся волос на макушке. А мы с Сэмом... Как бы не страшно это было признавать, это не вызвало во мне никаких чувств. Внутри было пусто – отрешенность и какое-то коматозное состояние. Я видела за эти сутки слишком много смертей и крови.

А затем к нам подошел Роберт. Он присел на носки напротив нас, сцепив руки в замок и тяжело выдыхая.

– Что ж, у меня есть немного времени побеседовать, – устало сказал он, посмотрев прямо в мое лицо, в то время как мой взгляд замер на виднеющейся под его курткой нашивке. Серебристые змеи нитями расползались в стороны в районе сердца... Глаза мои округлились, я раскрыла рот, – мое имя Роберт Сборт, и я командир группы..

– "Горгона", – проговорила я на выдохе, поднимая глаза на Роберта. – Вы горгоновцы, так ведь?

Лампы зловеще гудели над нашими головами. Я вслушивалась, стараясь уловить любой звук. Руки дрожали. Казалось, скажи сейчас кто-то на пол тона громче, и я завизжу от страха и ужаса. Тело девушки лежало на столе кассира. Ее рука свисала со стола. Кровь капала с пальцев на пол.

Это не может происходить со мной. Все это не по-настоящему.

Я смотрела на Роберта, который рассказывал, как его группа оказалась в этом городе, но мой взгляд то и дело падал на небольшую вышитую на его футболке голову Горгоны. Ты мог не разбираться в политике, военной сфере, не слышать новостей и не читать газетных сводок, но о горгоновцах ты не мог не знать. Они посвящали жизнь военному делу, этой группе, отказываясь от своего прошлого и будущего. Самые сложные операции, самые горячие точки боевых действий – и имя "Горгоны" неотложно следовало рядом. И никто не знал, чего больше вокруг этой призрачной группы – правды или сплетен. Имена участников всегда находились где-то в стороне, ведь самостоятельно их будто не существовало, была только "Горгона" и горгоновцы. И уж если ты не военный, то узнать личности этих самых горгоновцев было практически невозможно; разве что с именем "Сборт" я когда-то косвенно сталкивалась, когда готовила репортаж с пару лет назад.

– ..активно распространяться по остальным территориям эта зараза стала с пару недель назад. Верхи пытались доказать, что все держится под контролем. Может, оно и было так сначала, но все-то города и границы не перекроешь, – Роберт с секунду помолчал. – Я был со своими ребятами в районе "Холодного штителя", там сейчас с новой силой начались боевые действия.

– Боевые действия? На юго-западе? – неверяще переспросила. – Но говорили же, что все военные операции там закончились? После всех мирных и пацифистских демонстраций?

– Людям всегда крови мало, – вдруг зло фыркнул Сэм, скрещивая руки на груди и опуская глаза в пол. Я бросила на него предупреждающий взгляд, которого он, конечно, не увидел; Роберт же отреагировал чрезвычайно спокойно на колкость Сэма.

– Ни я и ни мои люди прекращают боевые действия. Точно так же, как и не мы их начинаем.

– Как вы прибыли сюда? – спросила сразу, не позволяя Сэму начать полемику.

– В этот вторник нас срочно отозвали обратно. Мы должны были высадиться в пятистах километрах отсюда, но место нашей посадки было объявлено потерянным. Красная зона. Мы вышли в первом аэропорту, сели в машины, и думали добираться наземным путем; нас попросили остановиться по дороге здесь, проверить, чтобы все было под контролем. Городок мелкий, но один из располагающихся на главных дорожных связках, – мужчина хмыкнул, с какой-то разочарованностью посмотрев себе под ноги. – Мы прибыли, когда полицейские уже занимались огораживанием восточных частных кварталов. Здоровых людей, по мере возможности, старались вывести из зоны. А полицейские все перешептывались, что зараженных *убить невозможно*; отказывались выезжать на вызовы и входить в чужие дома. – Роберт помолчал с пару секунд, собираясь с мыслями. Он рассказывал обо всем спокойно и сосредоточено, будто пересказывал скучную лекцию, будто ничего чрезвычайного не проходило, и не умирал с пару минут назад один из членов его отряда. На пару секунд я даже забылась. Сдержанность и спокойствие этого мужчины были настолько одурманивающими и заразительными, что из моей головы на короткое мгновение вылетели все кошмары прошедших часов. – Я опушу все подробности бюрократического мракобесия и белой горячки некоторых неприкосновенных лиц, которые дают опрометчивые указания и раздают лишенные всякого здравого смысла приказы. Мы с горгоновцами направились в дом к одному из должностных лиц, дочь которого

подцепила заразу. Ее закрыли на втором этаже, желая замять всю ситуацию, чтобы не отдавать дочурку в больницу и не очернять белого имени фамилии. А когда осознали, что сделали глупость, было поздно. Нам было приказано вывести их всех из дома и перевезти в безопасное место. Скажу откровенно, я не ожидал, что дела настолько плохи и угрожающе серьезны. Я оставил часть горгоновцев в помощь полиции, а с другими направился выполнять указание, – Роберт положил руки на ремень брюк. – Когда мы приехали, дом был в такой кровище, точно мы на скотобойне оказались. Из шестерых проживающих в доме четверо были загрызены, а их тела буквально *обглоданы*. И двое было... – военный помедлил, качнув головой в сторону, – я бы сказал живы, да только это противоречит увиденному. Раны смертельными не были, у одной незначительный укус на шее, у второй (она вроде была домработницей) погрызенные руки, но живыми эти... *Существа* точно не были. Во-первых, я вполне способен отличить живого человека от неживого. Во-вторых, когда ты пускаешь в человека полную обойму... – мужчина вновь тяжело вздохнул, не доканчивая предложение.

Время будто остановилось. Я вновь и вновь прокручивала в голове услышанное, но это боле походило на бред сумасшедшего, чем на какое-то подобие правды. Переглянувшись с Сэмом, я тряхнула головой, точно желая отогнать дурную мысль или неприятное воспоминание. Дорт выглядел совершенно потерянным. Смотрел в одну точку где-то под ногами военного, и судорожно разминал пальцы на руке.

– И... Что же дальше? Вы смогли разобраться с *теми* двумя? – осторожно спросила я, нерешительно поднимая глаза на Роберта.

– Мы смогли добить их, только раскроив им черепные коробки, – сухо проговорил Роберт, качнув головой. Сэм резко поднял голову, и на его лице заиграло отвращение и ужас. – Нас было трое, и мы через все круги ада бы прошли невредимыми, но этим тварям удалось цапнуть одного моего человека. Ему в буквальном смысле слова оторвали кусок мяса от грудной клетки. Мы отвезли его в больницу, где уже целое крыло было под отказ забито покусанными. Еще одно ушло под уже невменяемых. Пока до больницы доехали, мой человек уже потерял сознание. Потерял сознание от самой безобидной раны из всех, которые он получал. Оставили его в больнице, а в среду утром мне позвонили и сообщили, что от высокой температуры он за ночь сгорел. Но к рассвету вновь пришел в себя, да только... Как и остальные больные *диким* стал.

– Вы хотите сказать, – протянула я, ужаснувшись собственной мысли, – что он... *ожил*?

Роберт ответил не сразу.

– Трудно найти этому иное название, – осторожно ответил он. – Я бы и сам не поверил подобному заявлению, если бы не видел все своими глазами. Поверьте, мне трудно найти объяснение тому, что человек, насквозь изрешеченный пулями, продолжает двигаться. И когда уже точно *мертвый*, вдруг *поднимается* и начинает *нападать*. И сегодняшнюю ночь действительно было трудно пережить. Эти существа, кто бы они ни были, нападали на всех без разбора, безжалостно терзали, убивали, а их самих удавалось обезвредить лишь одним способом. Так еще и всеобщая паника и непонимание создали такой хаос, и принесли так много жертв... – Роберт бросил быстрый взгляд на горгоновцев, затем снова осмотрел нас с Сэмом. – Благодарите Небеса и Богиню Матерь за спасение.

– Ожившие мертвецы? Это же невозможно! – Сэм попытался усмехнуться, но дрогнувший голос выдал его. – Это противоестественно! Это... Это даже не поддается логическому объяснению!

– У нас столько же вопросов, сколько и у вас, – коротко ответил военный. – Сейчас ясно только одно: необходимо уезжать отсюда, и как можно скорее. А обдумывать дальнейшие действия, и искать ответы на свои вопросы лучше в более безопасном месте. А теперь, прошу меня простить, – Роберт достал рацию и хотел было сделать шаг в сторону, как я тут же шагнула ему навстречу, приподнимая руку.

– Последний вопрос, прошу, – горгоновец позволительно качнул головой. – Роберт, вы можете и нас забрать с собой? Хотя бы помочь добраться до больницы? Там стоит наш трейлер, и... – я подавилась собственными словами. Дыхание перехватывало, а грудную клетку сжигало внутри от волнения. – Мы не останемся в долгу. Сэм прекрасный специалист по технике, он умеет программировать, настраивать; чинит все, что только можно.

– Да, – поддакнул Сэм, – вы по пути, когда разговаривали с... – Дорт запнулся, кивая на горгоновца с выющимися волосами; только в этот момент я обратила внимание, что правая бровь этого мужчины была сильно рассечена, шрам лежал почти перпендикулярно брови.

– Норманом, – подсказал Роберт.

– Да, с ним, – Сэм невпопад кивнул, – Вы говорили, что ваши рации барахлят. Думаю, я смогу что-нибудь с этим сделать.

– Нам необходимо добраться до северо-восточной границы города, где мы оставили свои машины и вещи, – последовал сухой ответ командира.

– Так там объездная есть, как раз мимо больницы будете выезжать.

– Роберт, очень Вас прошу, – голос мой дрогнул, – мы согласны на любую помощь и любое Ваше решение. Самостоятельно что-то предпринять для нас сейчас за гранью возможного. К тому же... Вам ведь нужно вернуться с какой-то информацией? Я могу поделиться, всем, что есть у меня, быть может, то-то Вас заинтересует, – Роберт почесал заросшую пыльную щеку. Еще с секунду изучающе смотрел прямо в мои глаза.

– Что ж, хорошо. Пусть будет так, – я чуть не заплакала от облегчения; сердце мое сделало кульбит и упало куда-то вниз. Между тем, Роберт продолжил. – Сразу попрошу вас обращаться к себе в менее формальном виде. Вроде же в заседании не учувствуем и протоколы не заполняем. Комфортная коммуникация это важно. И еще, – он окинул меня взглядом. – Мы будем передвигаться пешком. Сейчас на большинстве улиц не проедешь, поэтому на своих двух будет значительно быстрее и маневреннее; но джинсы и шпилька абсолютно для подобного не предназначены. Переоденься. Аманде уже не к чему ее обмундирование, она была бы рада, послужи оно благой цели, – и прежде, чем я успела понять сказанное Робертом и возразить ему, командир уже кивнул второй девушке, что была в их отряде, – Сара, помоги. Норман, останешься здесь. Все остальные – в зал, – после этих слов он наконец-то поднес рацию к лицу, поспешно выходя за двери.

Приказ был выполнен быстро, даже Сэм с остальными военными вышел из магазина, коротко кивнув. Норман, тот самый военный с рассеченной бровью, отошел подальше, дабы не мешать мне переодеваться, и встал в противовес с автоматом у входной двери. Я же, обняв себя руками, с тихим ужасом наблюдала за тем, как Сара стаскивала с трупa штаны. От этого всего поджилки тряслись, и проступил холодный пот. Хуже было то, что мне нужно было *это надеть на себя*. Благо, я оставалась в своей верхней одежде – майке и кожаной куртке.

– Может, – тяжело сказала я срывающимся голосом, – можно как-то без этого обойтись?..

– Если Роберт сказал, значит нужно выполнять, – ответила девушка; посмотрев в мою сторону, она поспешно добавила, – ты, главное, не задумывайся *ни о чем*. Постарайся себя отвлечь.

Я скупно и бессмысленно отреагировала: кивнула невпопад и, несколько раз дернув головой в сторону, посмотрела за стекло. Военные тихо осматривали магазин, внимательно смотря по сторонам и с осторожностью делая каждый шаг... *Неужели это все взаправду? Неужели это правда происходит со мной?*

Но это происходило. Через пару мгновений Сара протянула мне блеклые серо-зеленые штаны формы. Я почти с мольбой взглянула на девушку; у нее были выразительные миндалевидные серые глаза и пухлые розово-персиковые губы. Миловидная внешность, и проникающий, эмпатичный взгляд.

Я осторожно взяла штаны из ее рук и с ужасом поняла, что они *еще теплые*. Вздвогнув и чуть не выронив их, сжала зубы, подавляя в себе желание звать.

– Одевайся, – тихим, полным сочувствия и сопереживания голосом проговорила Сара, – *другого выхода нет*. Сейчас сниму берцы.

Я почти незаметно кивнула. Единственное, что хотя бы как-то могло утешать в сложившейся ситуации – меня не принуждали самой снимать одежду с трупа.

Зайдя за стеллаж, дрожащими руками расстегнула пуговицы на узких джинсах, сбросила туфли, небрежно оттолкнув их от себя... Ноги дрожали; только в этот момент ощутила в них невероятную слабость и, пошатнувшись, чуть не упала, чудом успев опереться о стену. Я будто подавилась, глотать было невероятно тяжело. Когда начала стягивать джинсы, то похолодевшие пальцы отказывались слушаться.

Настойчивый голос в голове твердил, чтобы я этого не делала. Чтобы осталась в своей одежде, обула лодочки и, взяв в любимой кофейне стаканчик крепкого кофе, ворвалась в солнечный теплый день начала осени, укутанный в разноцветные листья и не омраченный реальностью. Голос убаюкивал, шептал, что все это не взаправду, что мне стоит закрыть глаза, – а потом я проснусь в домашней постели, и по родной квартире будет витать аромат свежего шоколадного бисквита. Открою глаза, и все прошедшие тяжелые годы окажутся лишь сном, а сегодняшний день – лишь завершением кошмара перед пробуждением. Я встану, обниму человека, что был дороже мне моей собственной жизни, и выдохну сдавленно, счастливо, – ведь человека этого я не теряла... Настойчивый голос был до того упоителен, и картина желаемого настолько реальна, что я сползла по стене вниз, давась собственными слезами.

Мне неодолимо хотелось убежать. Спрятаться, закрыться. Ум мучительно подробно воспроизводил происходящее...

Нет, сегодня я не сдамся. Я обещала, что не сдамся никогда. И если, чтобы идти с горгоновцами, нужно переодеться, то я сделаю это.

Поскуливая и вытирая слезы с лица, наконец стянула джинсы, откинула их в сторону. На долю секунды замерла, смотря на штаны, и затем начала аккуратно натягивать одну штанину, стараясь думать о чем-то другом... Ткань еще теплая от тела прежнего владельца, а по коже пробежал холодок от омерзения и ужаса ото всего происходящего.

Ее тело еще даже не успело остыть.

Наконец-то удалось надеть штаны. Пуговицы тяжело застегивались, я была почти уверена, что форма новая. Не в силах сдержать себя, закрыла рот тыльной стороной ладони, и, чтобы не закричать, закусила кожу.

В этот же момент подошла Сара.

– Это почти закончилось, – как можно мягче сказала она, ставя передо мной высокие берцы на массивной подошве. – Так... А ты журналистом работаешь, верно же? – спросила девушка, садясь на корточки, – А зовут тебя?.. – сразу было件нятно, что она старается отвлечь меня. Я сглотнула, садясь на пол и подтягивая к себе ботинки.

– Да, я журналист, – неуверенно ответила, быстро обуваясь, дабы не мучиться долго... Пальцы не слушались и мне все никак не удавалось зашнуровать берцы. С остервенением бросила шнурки, обняв себя. – Штефани, – ответила на выдохе, – меня зовут Штефани Шайер.

Девушка тяжело вздохнула, а затем, неожиданно для меня, оперлась коленкой о пол и, наклонившись, ловко затянула шнуровку на теперь уже моих ботинках. Пораженная, я не смогла выдавить из себя ни единого слова.

– Штеф, котик, – я же могу обращаться к тебе "Штеф"? – выдохни и постарайся успокоиться, – военная заглянула мне в глаза, а у меня даже губы дрогнули в легком подобии улыбки, когда она уточнила про форму имени, но не про само обращение. – Я понимаю, все это чистый ужас, но сейчас нам нужно поскорее выбраться.

Я нетвердо кивнула.

– Спасибо.

– Обращайся, – подмигнула в ответ Сара и мгновенно поднялась, затем подавая мне руку. Я схватилась за девушку, будто старалась удержаться от падения в пропасть, – меня зовут Сара Карани, если угодно. Но лучше просто по имени, договорились?

Подняться не просто – ноги словно налились свинцом. Трудно передать, какие чувства клубились в тот момент в моей грудной клетке. Обреченность? Да, можно назвать это и так. Обреченность, опустошенность и неверие.

Когда мы вышли из-за стеллажа, Норман пихнул в мои руки рюкзак, прежде чем выйти к остальным.

– Держи. Ей это уже не нужно, а тебе, может быть, пригодится.

В рюкзаке явно что-то было, но я даже не удосужилась заглянуть вовнутрь, решив, что оставляю это на следующий раз. Или вообще никогда туда не посмотрю. Где-то в душе оставалась надежда, что вот-вот это безумие завершится. Я была словно не в своем теле. Будто смотрела на мир чужими глазами. Я пыталась убедить себя, что это все фальшь, но...

Тихо гудели лампы. Затхлый душный воздух – кондиционеры не работали. Едкий запах не то гнили, не то сырости доводил до тошнотворного состояния. Постоянно мигал свет, все чаще потухая на большее время.

Я быстро запихнула собственный маленький портфельчик в горгоновский рюкзак, что отдал мне Норман. Может, все образумится и вернется на свои места. В любом случае, когда отправимся домой, мне будут нужны документы и телефон... И все то, что у меня еще было в портфеле. *Я пыталась верить в лучшее.* Пыталась, иначе не могла.

Ожившие мертвые. Невозможно. Глупость, бред, все что угодно, но только не правда.

Горгоновцы. Бойцы, подчиняющиеся непосредственно Главнокомандующему. Призрачная группа, почти мифически легендарная. Еще больше походит на безумие.

Старалась не смотреть на тело погибшей. Просто вышла из книжного, как можно скорей, не оборачиваясь в ту сторону.

– Ты как? – осторожно спросил Сэм, подойдя. Я качнула головой, сжав губы и опуская подбородок к груди, мол, не сейчас. Тот понимающе кивнул. – Скоро уйдем отсюда. Пока ты... – парень помедлил, – переодевалась, Роберт пытался связаться с другими своими людьми; оказывается, он еще кого-то ждет.

– И? – мысли стали тягучи, заторможены; я медленно осмысляла слова Сэма.

– Думаю, что скоро будут здесь, – Дорт попытался подбадривающе улыбнуться, но в моих глазах стояли слезы, и спазм сжал горло.

Я откинула голову назад и быстро заморгала. *Взять себя руки. Успокоиться. Все завершится, придет в норму; это все временно – и слабость тоже временна, вызвана тотальным шоком.* На секунду показалось, будто услышала чей-то тихий, почти не уловимый крик... Но, наверное, все-таки *просто* показалось. Тряхнула головой, шумно выдыхая через ноздри.

– Надеюсь, всему найдется *нормальное* объяснение.

– Если бы, – уклончиво проговорил Дорт. Что-то заскрипело, и мы с Сэмом, дрогнув, синхронно обернулись. *К счастью*, это была просто рация: Роберт достал ее и включил, стараясь поймать сигнал. Сердце мое колотилось так, что, казалось, пробьет грудную клетку и вырвется наружу.

Военные уже вернулись из обхода. Два, четыре, семь. Я всматривалась в их изнеможенные лица, смотрела на осунувшиеся плечи. Я *ощущала* их боль и их усталость. В один момент, меня тряхнуло каким-то холодом изнутри; вдруг представилось, *что* они видели этой ночью. Если даже *они* понесли столько потерь, если уж *им страшно*, то наше с Сэмом пребывание под землей действительно было даром свыше. Я, наверное, никогда не узнаю о том, что произошло там, наверху, в городе, ночью. По правде говоря, и не очень-то хотелось... Хватило тех ужасов, что предстали перед глазами тут.

Рация вновь закрипела; Роберт недовольно пробурчал себе что-то под нос – по другую сторону никто не отвечал. Тот, с кем хотели соединиться, будто почувствовал негодующее состояние Роберта: через мгновение, сквозь скрипы и помехи, мы услышали голос:

– Да какого, сука, хера?! – громкий возглас, почти рык, прервался чередой выстрелов; послышалась отборная ругань. Я, опешившая, судорожно переглянулась с Сэмом. Рация зашипела и засвистела, – ты чертовски не вовремя, Сборт! На кой связываться каждую минуту?!

– Где вас носит?! – процедил Роберт, – уже давно должны были быть на месте!

– Уж простите, – съехидничали в ответ, – что не успеваю с точностью до секунды на вашу дружную пирушку, – еще один выстрел, – я тут стараюсь от этих тварей отбиться, а не шляюсь по улицам в свое удовольствие, – вновь раздалась помехи. Мужчина на том конце сдавленно выдохнул, – я уже близко. Скоро буду.

Роберт хотел было разразиться тирадой, как вдруг замер.

– "Буду"? Ты один? – спешно выпалил он. Командир переглянулся с горгоновцами; один из военных сделал шаг вперед и волнение со смятением читались на его лице. Рация закрипела.

– Я один, – последовал короткий ответ. Мужчина сказал еще что-то, но уже никто не разобрал, что: одни помехи.

– Крис? – проговорил Роберт в рацию, стараясь вновь соединиться. Но ответа не было. – Кристофер?!

На мгновение все помещение погрузилось в зыбкую тишину. Военные замерли на месте, Роберт все так же держал рацию поднесенной к лицу. На долю секунды его лицо помрачнело и осунулось, прежде чем он волевым движением выпрямился и окинул всех сосредоточенным взглядом.

– Мы поднимаемся и выходим. Сейчас. И заберем Криса по дороге, – добавил он прежде, чем сделавший шаг вперед Норман успел открыть рот. Голос Роберта был тих и тверд. Командир посмотрел на одного из горгоновцев, темноволосого мужчину с холодными голубыми глазами и шрамом над верхней губой; тот опустил подбородок к груди, сжимая и разжимая кулаки на руках. – Стэн, я...

Роберт не успел договорить. До наших ушей отчетливо донеслись с первого этажа звуки хрипения и чьих-то шагов. Медленных, будто человек еле переставлял ноги. Мы все замерли прислушиваясь. Я и не заметила, как вцепилась мертвой хваткой в руку Сэма, впиваясь в его кожу ногтями.

Нет, не было ни малейшего сомнения, что это были шаги; но шаги далеко не одного человека. И это жуткое, леденящее горловое хрипение... Лицо Сэма стало пепельным.

– Р..Роб..берт? – заикаясь, проговорил Сэм. Я чувствовала, как трясутся коленки. Как всю меня бьет крупная дрожь.

Командир "Горгоны", не отводя глаз, смотрел вверх лестницы, а я, точно прикованная, не могла пошевелиться, чтобы обернуться.

Роберт махнул пару раз рукой. Еще через мгновение нас с Сэмом рассоединили. Стэн, держа пистолет, подхватил под руку Сэма; меня притянул к себе Норман. Сборт первым начал подниматься наверх, а мы все, один за другим, следовали за ним. Военные двигались практически бесшумно, и все помещение заполнила шарканье, стоны и еще какие-то отвратительные звуки.

Ступенька за ступенькой. Выше и выше. Уже и я видела растущие тени на полу. Начала задыхаться, перед глазами все затряслось, и я бы бросилась назад, но Норман крепко держал меня, волоча за собой. Площадка перед нами была чиста, нужно было только подняться к ней, пересечь коридор до двери...

И вот, последний шаг. И я оборачиваюсь, чтобы окинуть взглядом весь коридор.

Чей-то визг заложил мои уши. Я не сразу поняла, что кричу сама. Выходя из дверей, павильонов, коридор заполняли *они*.

5

В один момент моя жизнь перевернулась с ног на голову. В один момент я ощутила присутствие смерти подле себя. В один момент кошмары оказались реальностью. *Зараженные не были живы. С такими ранами человек не может жить. Но они шли. Они ходили! И везде была кровь... Много крови...*

Я кричала. Вопила, не в силах замолчать. Норман тут же прижал меня к себе, закрывая мой рот рукой, и я почувствовала, как содрогаюсь изнутри, как все во мне сжимается. Перед глазами все потемнело и задрожало; меня трясло, било, будто в болезненном припадке... И все это не укладывалось в голове: разорванные тела. Это были те люди, которые находились вчера в магазине. Но люди ли? Страшно изученные тела: разорванные, обглоданные и смердящие. Они шли на нас, хрипя, обезумевши смотря стеклянными пожелтевшими глазами. Запах гнили ударил в нос. Я хотела вырваться, хотела побежать...

И хотя меня бил озноб изнутри, я почувствовала, как на считанные секунды задрожал и Норман.

Время точно замедлилось; нет, оно остановилось в это миг. Я не слышала ничего, кроме бешеного стука сердца в ушах.

Эти существа словно были повсюду: выходили из-за длинных стеллажей, надвигались на нас. Дикий ужас захватил с головой... И все смешалось воедино: крики, стрельба. Военные стреляли в них, но они не умирали. *Они не умирали!*

– Бегом! Уходим отсюда! – резкий голос Роберта вывел меня из состояния аффекта; Норман уже тянул меня в сторону выхода... И мы побежали. – Быстрее! На улицу все!

Они все это время были близко.

Было чувство, словно во мне открылось второе дыхание. Вся усталость мгновенно прошла, а в голове крутилась единственная мысль: "Прочь отсюда!". Я бежала, не чувствуя пола под ногами, не ощущала, идет ли время, и не понимала, правда ли я бегу вперед или остаюсь месте. Перед моими глазами в одну секунду пронеслась вся моя жизнь; мне почудилось, будто меня чуть не схватили... Вспоминая об этом потом, я могла с уверенностью сказать: если бы не Норман, цепко державший меня подле себя, я бы погибла в тот день. Если бы он не вытащил меня, *я бы погибла в то мгновение!*

Я могла умереть тогда, в первый день...

Мы вылетели в распахнутые двери. Холодный воздух ударил в мое лицо. Я не хотела останавливаться. Бежать! Бежать прочь от здания!.. Но Норман продолжал держать меня, и, когда я в очередной раз постаралась вырваться, потянул к себе.

– Двери! Закрывайте эти чертовы двери! – крики Роберта приглушенно отдавались где-то в сознании, металлическим отзвуком ударили по ушам, – Джон, Стивен, быстро!

Стэн и Михаэль навалились на двери, не позволяя им открыться под натиском с другой стороны, пока двое других горгоновцев стягивали ручки дверей веревкой. Сара молниеносно перезарядилась, а Сэм, чуть отойдя, повалился на землю, закрывая лицо руками и поджимая ноги грудной клетке.

Я стояла, согнувшись, стараясь отдышаться. Рвано хватая ртом воздух, со страхом озираясь по сторонам, не в силах понять: почему мы не бежим прочь? Воздуха в легких словно не хватало. *Они были близко. Они все это время были совсем рядом.*

От скрежета рации Роберта вздрогнула; никто не отвечал. Только помехи и шумы. Я подняла глаза на улицу, и увидела вдалеке еще фигуры. В безмолвии открыла рот, повернула голову к Норману, силясь сказать, показать... Он коротко кивнул, а потом махнул головой в сторону командира, который все еще старался поймать связь.

– Сборт, надо уходить сейчас, – Стэн, тяжело дыша, оправил лямки портфеля за спиной. За его спиной в двери бились зараженные, оставляя на стеклянной поверхности следы ни то от крови, ни то еще от чего. – Вон, на улице тоже эти твари. Нельзя медлить. Нельзя глупить.

– Ты забываешься, Тарэн, – Роберт перевел взгляд на Стэна. Тот сразу осунулся и сделал полупаг назад.

Серые тучи заволокли небо. Везде были брошенные машины. Много крови. Дым. Пепел, будто бы от взрыва... В окнах не было видно людей. Везде было пусто. *Скосила город...* Я бросила короткий взгляд вперед, на фигуру поодаль, которые медленно двигались в нашу сторону, и мгновенно мелькнула мысль о том, что *прежнего уже не будет*. О том, что *мир, который мы знали, исчез*.

– Стоило ему сказать, чтобы он сразу направлялся к машинам, – тихо бросила Сара Норману, – и уже на месте все бы встретились. Ты знаешь, он бы добрался.

– Нет, не стоит нам еще раз разделяться. Да и не в том состоянии... – вдруг, эхо от пары очередных выстрелов разнеслось по округе. Стреляли где-то совсем рядом; горгоновцы вытянулись, высматривая по сторонам стрелявшего. В это же секунду по двери пошли первые трещины.

– Роберт, – охнула я, смотря, как паутинка расплзается по дверям; мой голос не был сам на себя похож. Еще один выстрел прогремел совсем рядом. Еще через мгновение из-за дома показался мужчина в военной форме, с пистолетом в руке. У его ног лежало чье-то тело, а сам горгоновец, казалось, весь был в крови.

– Сборт, сюда! Скорее, пока *эти твари меня не нагнали!*

– Крис! – радостно вскрикнула Сара, срываясь с места. В следующую секунду и остальные военные рванули вперед, и мы с Дортом за ними.

Я неслась вперед, не чувствуя ног; было ощущение, что кто-то гонится за мной, и стоит лишь обернуться, как меня схватят. Было трудно дышать – грудную клетку сжимали металлические тиски.

Только мы подбежали к звавшему нас мужчине, как он тут же бросился вперед, завлекая за собой. Роберт что-то прокричал. Я мельком глянула на обезображенное тело, лежащее у угла дома: кровь пропитала синие платье девушки. Ее руки были покусаны, а раны покрылись пленкой беловатого гноя.

Спрашивать не приходилось. Нужно было только бежать, бежать не останавливаясь!.. Сердце колотилось, и необъяснимый ужас от всего происходящего не оставлял ни на секунду. Казалось, что сама природа этому способствовала, опуская все ниже свинцовые тучи, пригибая к земле жиденькие кусты и траву. Холодный ветер гулял среди фонарей, домов, одиноких деревьев за пределами дороги, поднимая какие-то листы бумаги и перегоняя их с места на место... И начался мелкий холодный дождь.

В какой-то момент я поняла, что *никто ничего не понимает*. Все просто бегут куда-то и от кого-то. Мимо домов, через улицы и переулки. И то и дело я видела зараженных.

Какое счастье, что я была обута в берцы.

Дыхание перехватывало. Мы пробегали через узкий проход между двумя домами. Воняло сыростью и фекалиями. Поскорее выскочили в переулок, заворачивая за угол дома... Я дернулась, делая шаг назад. Военные остановились в нерешительности. Несколько десятков людей были то тут, то там... *Зараженных людей*. Я вцепилась в руку Сэма.

– Уходим, – дрогнувшим голосом, пытаясь сохранить спокойствие, проговорил Роберт, – тихо поворачиваемся...

Зараженные сразу заметили нас. Услышали, почуяли. Они стали оборачиваться в нашу сторону, смотря в наши лица помутневшими глазами. Клокочущие звуки, будто в легких вода или кровь, вырывались из ртов изуродованных людей. Они начали идти на нас, кто-то совсем медленно, кто-то достаточно быстро. *Мертвые. Невозможно. Это все не по-настоящему*.

– Уходим! Уходим! – скороговоркой выкрикнул Роберт, и мы вновь хотели рвануть обратно... Но *они* были и здесь. С другой стороны улицы к нам двигалось еще с десятков *этих существ*. С ужасом осознала, что мы окружены... Дикая паника охватила с головой. Хотелось закрывать, вцепившись в волосы руками... – Наверх! Все на лестницу! Сейчас же!

Я оглянулась. На доме в тот зловонном проходе была пожарная лестница, ведущая к окну третьего этажа. Сэм тут же толкнул меня по направлению к ней. Все ринулись туда, стараясь не столкнуться с зараженными. Вонь уже не чувствовалась. Первые из военных, ловко, один за другим, забирались наверх.

Рычание и стоны со всех сторон. *Они все ближе и ближе, а мы в западне...*

– Шайер! – рявкнул Роберт; я чуть не подпрыгнула на месте от неожиданности. Командир подтолкнул меня к лестнице, – давай! Вперед! Вперед!

Эхом разносились хрипы и гортанные звуки по переулку.

Опомнилась я, когда уже карабкалась вверх, цепляясь за холодный металл перекладин. Шаг. Еще один. Я не чувствовала под собой ничего. Сэм взбирался за мной. Затем Михаэль. Последним, оттолкнув ногой подошедшего зараженного, полез Роберт.

Те секунды навсегда останутся в моей памяти, как одни из самых страшных, полных отчаяния, хотя я не могу сказать, что хорошо помню их. Стерлись из моей памяти моменты и образы, остался только страх и ужас: ледяной и всепоглощающий. Осталось только чувство охватившей паники. Все перестало существовать; мира вокруг словно и не было... Только неверие. Только желание поскорее забраться выше. Только страх, что меня схватят и потянут вниз.

Я даже удивилась, когда лестница вдруг закончилась, и меня затянули на своеобразный балкончик, состоящий из металлических рыжих прутьев и решеток и покрытый незакрепленными деревянными досками. Я с ужасом отпрянула от края перегородки, вжавшись в холодную стену бетонного дома. Дышала глубоко; в голове, в ушах стало жарко и тяжело. Я не видела, что этих тварей в переулке становится все больше, но слышала, как многие из них цеплялись за перекладины лестницы, царапали их... А что если они сейчас заберутся? Куда бежать тогда?

Но за нами никто не лез. *Зараженные* продолжали возиться внизу. Горгоновцы стояли у края перегородки, смотря на происходящее под нами; и Сэм выглядел из-за спин военных. Краем глаза я увидела, как Крис (его же так называли?) подошел к окну. Послышался звук разбивающегося стекла. Все резко обернулись, явно опешив, а Кристофер, разбивший локтем окно, тряхнул рукой.

– Полагаю, лучше переждать там, – проговорил он, окинув всех взглядом. На мгновение его глаза остановились на Сэме, затем на мне. Мужчина еле заметно поднял бровь, явно не понимая, кто мы, и что тут делаем.

– Да, так будет лучше, – кивнул Роберт, – осмотрите квартиру. Сделаем паузу и немного отдохнем. Вторые сутки без сна, все устали... На улице все равно сейчас не пройти – холодно добавил он, еще раз глянув вниз. Один из военных хотел было идти к окну, но Сборт тут же взял его за плечо, – Стэн, пойдешь последним.

Стали забираться внутрь. Роберт, прижав к груди автомат, внимательно следил за нами. Затем, когда многие уже пробрались в квартиру, кивнул мне. Я нехотя подошла к окну, оперлась о раму и, стараясь не порезаться об остатки стекла, аккуратно пробралась внутрь душевой и темной квартиры. Сыро. Промозгло. Толстый слой пыли на всех поверхностях; здесь давно никто не появлялся. Одинокая лампочка свисала на проводе с побеленного потолка. Серые обои пошли волной, а в углах отклеились и повисли. "Чисто", – на краю сознания различила голос Михаэля. Я забралась с ногами на кровать, стоящую в углу комнаты, обняла колени, стараясь унять дрожь. В воздухе нарастало напряжение, осязаемое почти на физическом уровне. Что-то назревало, и это было видно по взглядам, по резким движениям всех присутствующих.

Из другой комнаты вернулся Кристофер, бросил *три* горгоновских портфеля на пол. Остальные военные обернулись на него, пока он из-под бровей смотрел в сторону Роберта; руки Криса *буквально* были в крови по локоть. Все его лицо, вся шея, все одежда – все было в засохшей и потрескавшейся крови и грязи. Глаза опухшие, покрасневшие. Мужчина тяжело дышал полной грудью; он облизал верхнюю губу, собираясь что-то сказать, как вдруг Стэн, с силой швырнув в сторону рюкзак, обернулся прямо в сторону Криса.

– Ты ведь возвращался за остальными? – процедил Стэн через зубы. – И Чарльз пошел с тобой. Так почему ты вернулся один? – глаза мужчины сверкали, а мышцы на лице задрожали от напряжения. Кристофер перевел твердый взгляд на него, но промолчал. – Ты *не смог* вытащить остальных, да? – голос Стэна сорвался на хрип. – Где мой брат? Где Чарльз?! Что произошло?! – безмолвие Криса выводило Стэна из себя. – Отвечай, Льюис, сию чертову секунду!

Я обеспокоенно посмотрела на горгоновцев, на Роберта, ожидая, что вот-вот кто-то вмешается. Но все стояли неподвижно. Сборт устало закрыл верхнюю половину, надавливая пальцами на глаза.

– Я так думаю то же, что произошло с Амандой, – едко бросил в ответ Кристофер. Голос его был неестественно тих, – ведь это ее форма, верно? – он кивнул в мою сторону, и дыхание мое перехватило от волнения: перед глазами вновь возникло тело девушки, ее безжизненная рука, с которой капала тягучая, почти черная кровь... И вновь внутри меня все задрожало: *ее одежда в тот момент еще была теплой*. – Охрененно мы пытаемся свалить из города побыстрому! Значит, своими ради этого можно пожертвовать, но гражданских спасать и подхватывать с собой всегда надо! – и это было сказано уже даже не Стэну. Кристофер, на шее которого вздулись жилы, повернулся к Роберту. – Значит, ты отдал мне приказ вернуться и оставить оставших. Не забирать раненных. Не спасать окруженных. Ты сказал нам уходить, – Крис почти рычал, отчеканивая каждое слово. – Ты пожертвовал нами, своими людьми, – он с силой ударил себя кулаком по грудной клетке, – но, черт бы тебя подрал, ты взял за собой гражданских?!

Роберт молчал. Он положил руки на бедренные кости и чуть закинул голову назад. И я видела, что горгоновцы смотрят на Кристофера с некоторой опаской. Но не Сборт. Он лишь выглядел уставшим и немного обеспокоенным.

– Ты ведь не думаешь, что они, – Крис кивнул в нашу с Сэмом сторону, – смогут за себя постоять? Или считаешь, что от полчищ тварей на улице отбиться смогут? Нет? А тогда кто, по твоему мнению, будет их защищать? – мужчина стиснул зубы. Возникло чувство, что он сдерживает себя из последних сил, чтобы не взорваться. – Или ты хочешь, чтобы *мы* их защищали? Рисковали *своими* жизнями? Ты беспокоишься о ком угодно, но не о своих людях, – последнюю фразу Крис прошипел через зубы, уже содрогаясь от гнева. Буквально на несколько секунд воцарилась зыбкая тишина, а затем...

– А о ком думаешь ты, Льюис? – тихо спросил Стэн. – Что там случилось? Почему так вышло, что кроме тебя никто не вернулся?

– Ты хочешь сказать, я их оставил?! – Кристофер ураганом сорвался с места; будь кто-то или что-то у него на пути, он бы снес преграду, даже не заметив. Военный в пару шагов настиг Стэна и навис над ним. Горгоновцы не двинулись. Льюис сжал челюсти, яростно смотря в глаза Стэну пару секунд. – Ты конченная скотина, Тарэн. И я был бы рад, окажись на месте Чарльза ты.

– Ты. Принес. Три. Портфеля, – Стэн качнул головой. – Свой. И еще два. Значит, смог забрать. Значит, их владельцев не окружили, не отцепили от тебя. Почему тогда ты вернулся без них?

– Потому что они были мертвы, – хрипло и холодно проговорил Крис через сжатые зубы. – Твой брат стал такой же тварью, как и те, на улице. Он напал на Исаака. И загрыз его.

– Врешь! – вдруг сорвался Стэн и схватил Криса за жилет. – Ты бросил их и сбежал!

Пару секунд Кристофер оставался спокойным. Затем же, резко и с силой ударил Стэну куда-то в район солнечного сплетения, следом за тем одним ловким движением скручивая Тарэну руки за спиной и с силой отталкивая его от себя. Михаэль успел подхватить летящего в стену Стэна, и цепко схватил его, чтобы тот больше не двигался. Я почти не дышала, внимательно наблюдая за происходящим и за реакцией военных.

Диким взглядом Льюис обвел всех присутствующих; ухмылка скривила его губы. Он выпрямился, расставляя руки в стороны. *Окровавленные руки.*

– Может, кто-то еще считает, что я сбежал? Гм? – и он посмеялся. Так едко и горько, что даже я физически ощутила боль в груди. Натянув уголок губ, Крис посмотрел на Стэна. – Тебя там не было. Вас никого там не было, – мужчина перевел взгляд на Роберта. – А ты все молчишь. Тоже думаешь, что я предпочел спасти свою шкуру? Или размышляешь, как меня наказать за нарушение твоего приказа? А я еще нарушу. Хрена с два я что-либо для этих сделаю, – он махнул рукой в моем направлении, – рядом со мной их рвать будут, я с места не сдвинусь. Нападут на них, хоть живые, хоть мертвые, ни пули не выпущу! Молить о помощи будут – пройду мимо! – в голове все зазвенело и засвистело, а последние слова военного звонким эхом отдались в голове. Я оглянулась в поисках *защиты*, но все горгоновцы лишь молча стояли, смотря то на Кристофера, то на Роберта. – А ты, – Льюис резко обернулся к Стэну, тыча в него пальцем, – знай. Свое. Место. Еще раз кинешься на меня, и я тебе хребет вырву.

– Крис, – голос Роберта. Спокойный, но настойчивый. Я перевела испуганный взгляд с Криса на Стэна, но тот... Промолчал. Льюис же выпрямился, поворачивая лицо к командиру. – Вода в кране еще идет. Пойди, приведи себя первым в порядок и ложись спать. До выхода тебя никто тревожить не будет, – сказал Сборт тихо и хладнокровно. Льюис сделал полушаг назад, нахмутив брови.

– Что?

– Иди отдыхай, Крис, – сдержанно повторил командир, почти по-отечески заглянув горгоновцу в лицо. – Ты мне нужен бодрый и рассудительный.

Льюис еще раз каждого в комнате окинул взглядом. Дернул головой. Медленно развернулся, направляясь к дверному проему, рядом с которым стоял комод из темного дерева. Замер на мгновение. А затем, с каким-то звериным остервенением опрокинул комод на пол; я громко охнула, кто-то выругался, вместе с тем ужасающий грохот наполнил помещение. А Кристофер быстро скрылся в темноте соседней комнаты.

Роберт абсолютно не отреагировал.

На улице шумел ветер. Сборт приказал всем отдохнуть. Распределил дежурных, отказался отвечать на вопросы и что-то комментировать. Когда Сэм попытался было возмутиться, мол, необходимо спешить, нужно как можно скорее добраться до машин "Горгоны", а затем и нашего трейлера, Роберт достаточно жестко отрезал: "Мои люди не сделают ни шага, пока не поспят хотя бы пару часов. Они вторые сутки на ногах. Все вымотаны и физически, и морально. Но если ты так спешишь уйти, то никто двери не закрывает и тебя не держит". Наверное, Сэм ожидал моей поддержки; но я согласно кивнула Сбарту, сняла берцы и поставила их на пол рядом с портфелем. Я прекрасно понимала: сейчас мы зависим от горгоновцев, и следует принимать решения их командира. К тому же чувствовала, что никуда не дойду, банально не хватит сил.

Горгоновцы в тишине занимались своими делами: некоторые остались в этой же комнате и чистили оружие, другие ушли в соседнюю; Роберт, достав карту, начал медленно и сосредоточенно рассматривать ее. Стивен бесцеремонно копался в шкафу и тумбочках, ища что-нибудь полезное. Один из военных, если не ошибаюсь, его звали Джоном, сел на пол и забинтовывал руку – он порезался о стекло, когда забирался в комнату.

Я старалась наблюдать и анализировать, сосредотачивая мысли только на этом, чтобы отвлечься и успокоиться. Было зябко.

Из дверного проема показалась Сара. Она посмотрела на меня, затем на Роберта (тот коротко кивнул); потом быстро, почти на цыпочках, пересекла комнату в моем направлении.

– Ты чего здесь легла? Окно разбито, сквозняк. Еще и ливень хлещет, – но не успела я ответить, как девушка тут же продолжила. – В соседней комнате просто королевская гигантская кровать. Мы уже постелили, пошли. И теплее будет, и спокойнее. Там еще и свободное кресло есть, – проговорила она уже Сэму. Тот нехотя поднялся и поплелся в сторону второй комнаты.

– Спасибо, Сара, но я все-таки останусь тут, ведь...

– Иди в другую комнату, Штефани, – перебил меня Роберт, не отрывая глаз от карты. – Здесь действительно становится слишком холодно.

Темная комната с одним маленьким, заколоченным деревянными брусками окном. От замкнутого помещения кружилась голова, и дыхание перехватывало. Через узкие щели между балками лился холодный блеклый свет. Пропахшая пылью кровать, занимающая большую часть комнаты. Неработающий телевизор на стене. Затертое крупное кресло в углу. Сэм, свернувшийся клубком и укрывшийся каким-то пледом.

Я лежала с правого края кровати; перед моими глазами танцевали разноцветные пятна, и я старалась дышать ровнее, чтобы побороть стеснение в грудной клетке. Рядом тихо посапывала Сара. За ней уже спал Норман; еще одно место, – с левого края, – пока оставалось свободным.

Очень хотелось спать, усталость отдавалась в каждом участке тела. Но где-то на подсознательном уровне ругала саму себя, мол, Штеф, как ты можешь хотеть спать, когда такая неразбериха вокруг; как ты можешь сейчас уснуть спокойно, когда не знаешь, в сохранности ли Эндрю, ждет ли он вас, да и в полной ли безопасности ты сейчас находишься? Я не могла разрешить себе немного отдохнуть. Чувствовала какую-то вину за желание спать, когда вокруг хаос и безумие. Хотя понимала, что именно эмоциональные горки, страх, ужас и непонимание – именно они служили причиной вымотанного и разбитого состояния.

Сара была права: эта комната была теплее, – здесь не гулял так свободно ветер, не залетали капли дождя, – к тому же, мы все лежали рядом и грелись друг о друга. И чувствовала я себе действительно спокойнее и безопаснее, нежели одна. Это, конечно, была надуманная, иллюзорная безопасность – но засыпающее тело не вникало в эти детали.

Дверь открылась, и вошел мужчина. На пару мгновений его осветил тусклый свет из соседней комнаты. Я даже сначала не узнала вошедшего. Контур лица очерчен полосой бородки, от подбородка идущей к нижней губе. Темные волосы средней длины, стриженные по бокам чуть короче. На шее, с левой стороны, чернели линии татуировки, уходящие к плечу и, судя по всему, спине и грудной клетке. Все предплечье правой руки и немного выше локтя – геометрические фигуры, рисунки; на тыльной стороне предплечья левой руки всевидящее око в треугольнике, изрешеченном линиями и надписями. Все эти татуировки не были видны, когда мужчина был в крови и грязи; *крови и грязи тогда настолько было много, что они перекрыли рисунки на его теле*. Кристофер Льюис. Человек, сказавший, что не сдвинется с места, если на меня или Сэма нападут.

Шаги горгоновца были практически бесшумными; он опустился на оставленное место на кровати и сдавленно выдохнул. Я сильнее натянула одеяло, в бессознательном порыве спрятаться. Мужчина не шелохнулся. Он лежал на спине, согнув одну ногу в колене и ритмично дыша. Сама того не подмечая, я начала вдыхать и выдыхать в такт ему. Поначалу даже не

закрывала глаза. Внимательно следила за Кристофером, осматривала углы комнаты и прислушивалась к звукам. А затем, не заметив, провалилась в сон.

Я и не вспомню, что мне снилось. Мне даже было бы страшно это вспомнить, до того тоскливы и болезненны сновидения тех часов. Я понимала, образы каких дней мне явились; вновь и вновь переживала прошлое, захлебывалась в воспоминаниях, терзающих сердце. А затем столкнулась с кровавым настоящим. Плакала во сне, кричала, молила о помощи – и прыгала с высоты вниз в надежде разбиться, но лишь падала и падала в бездну, ни найдя помощи и не в силах помочь себе самостоятельно.

И проснулась, задыхаясь и ощущая, что лицо мое мокрое от слез. Я лежала на спине, держа руку на холодном лбу. Почти всегда я просыпалась в такой позе, когда мне снились кошмары. В первые секунды не шевелилась, смотря в потолок и пытаюсь понять, где нахожусь и что происходит. Сердце гулко билось в грудной клетке. Я аккуратно повернула голову налево, увидела мирно спящую девушку, стянувшую с меня одеяло.

Сара Карани. Горгоновцы. Зараженные на улице.

Я тяжело поднялась на кровати. Со всех сторон раздавалось сопение и тихое похрапывание. Еще четыре человека спали на матрасах, расстеленных на полу.

Меня немного потряхивало. Хотелось пить. Ощущение времени пропало. С усилием встала, обулась и проследовала к двери, осторожно обходя спящих. В груди не проходило тянущее болезненное жжение.

Во второй комнате было прохладно. Из разбитого окна лился серый свет; шел дождь. Погода не позволяла хотя бы примерно определить который час. Все было погружено в синюю полутьму. Очень тихо. Я медленно поплелась к разбитому окну. Стекло проскрипело под ногами. Осторожно выбралась наружу, только сейчас задумываясь о том, на кой потребовалось мастерить подобный балкон за обычным окном, к тому же выходящим на такой премерзкий проулок. Рейки под ногами дрожали, и я замерла; что заставило меня выбраться сюда? Закрыв глаза, подняла лицо к дождю и осознала, что все еще плачу. Вспомнилось, как я делала шаг с высоты во сне. До ужаса захотелось подойти ближе к перегородке, но продолжила стоять на месте. Я ощущала, как проваливаюсь в трясину, которая все сильнее засасывает меня, тянет все глубже и глубже на дно...

– Штефани? – осторожно раздалось за моей спиной, но я все равно вздрогнула, прежде чем обернуться. У окна в комнате стоял Роберт. Он неспешно протянул мне руку, точно опасаясь делать резкие движения, и смотрел прямо в мои глаза. – Возвращайся, хорошо? Незачем тебе промокать. Давай, протяни мне руку.

Я кивнула, немного помедлив, и, взявшись за его горячую шершавую ладонь, забралась обратно. Он тут же оттянул меня подальше, подхватил плед с кровати и укутал меня, накрыв и макушку. Я сама чувствовала, как сильно дрожала. Горгоновец крепко держал меня за плечи.

– Я не заметила тебя, – проговорила тихо. Голос точно сел. Роберт молчал, явно подбирая слова. – Думала, ты тоже спишь.

– Кто-то всегда должен быть на дежурстве, а моим ребятам нужно отдохнуть и поспать, – мужчина вздохнул. – Садись, – он кивнул на кровать и опустил рядом со мной. – Откровенно говоря, ты немного меня напугала. Вышла заплаканная, бледная; когда я тебя окликнул, даже не ответила. Зачем ты вообще за окно вылезла?

– Я не знаю, – ответила просто и честно. – Я кричала во сне? – он покачал головой. – Хорошо...

– Сны, это просто сны. Их не нужно бояться, – я горько усмехнулась в ответ, не отвечая, но Роберт очень хорошо *чувствовал и понимал*. Он приподнял голову, продолжая смотреть в мое лицо. – Тебе... Снились события этих дней?

– Разве что под конец, совсем немного.

– Какие-то воспоминания? – я нехотя кивнула. – События, с которыми связаны эти воспоминания, завершились благополучно? – покачала головой. Роберт замолчал, переводя взгляд на противоположную стену. – Я просто скажу тебе, что наше прошлое, – боль от свершившегося, наши воспоминания, терзания и сожаления, – либо делает нас сильнее, либо убивает. И между этим очень тонкая грань, Штефани, на которой нельзя балансировать, – мужчина вновь посмотрел на меня. – Не позволяй себе *упасть* в неправильную сторону.

Кивнула. Затем постаралась придать лицу спокойствие и уверенности. Даже сама себе на долю секунду поверила.

– Который час? И... Когда мы будем выдвигаться?

Роберт глянул на наручные крупные часы. Было около часа дня. Он рассказал, что с час назад значительная группа людей из соседнего дома пыталась прорваться к машинам и привлекла внимание зараженных. Крики и выстрелы гремели на всю округу; я удивилась тому, что ничего не слышала, но Сборт заверил меня, что и горгоновцы спали крепко, и только несколько человек подорвались и выбежали из соседней комнаты. Касаемо второго вопроса, то в ближайшее время выходить на улицу глупо. Громкий шум мог привлечь еще зараженных, и лучше было немного переждать, чтобы потом спокойно и быстро добраться до стоянки горгоновских машин. Роберт не хотел *еще* рисковать.

В эту минуту дверь приоткрылась. Кристофер окинул нас взглядом, кивнул Роберту и вновь скрылся.

– Забеспокоился, что ты все еще не вернулась, – Сборт снисходительно улыбнулся.

– Не думаю, что человек, так агрессивно отреагировавший на наше появление, будет о нас беспокоиться.

– У Криса была причина так отреагировать, – со вздохом ответил Роберт. – Не стоит его в этом упрекать.

– А опасаться его стоит? Выглядит он как два метра серьезной угрозы.

– Ты преувеличиваешь, Штефани, – Сборт еле сдержал улыбку, – "два метра серьезной угрозы"? Всего метр восемьдесят семь, – и мне вроде хотелось посмеяться, но осознание, что Роберт не опроверг мои опасения, немного настораживало. – Я же не могу отрицать очевидного, верно? Крис действительно один из... Самых профессиональных людей моей группы, – уклончиво проговорил Роберт, – да соблаговолят Небеса не увидеть тебе его в настоящем гневе. Но он не из тех, кто причинит кому-то вред по прихоти, и уж тем более я уверен, что *вам* его точно не стоит опасаться, – мужчина немного помедлил. – К тому же, давай говорить с тобой откровенно. Льюис эмоционален, безусловно, но он настроен по отношению к вам не агрессивнее, чем Сэм к нам.

– У Сэма тоже есть причина так реагировать, – я пожала плечами. – Он всегда был очень мирным и доброжелательным парнем, негативно смотрящим на насилие в любом его проявлении, – с секунду помедлила, прикидывая, стоит ли объяснять Роберту реакцию Сэма; горгоновец участливо и внимательно продолжал ждать, когда я заговорю. – Когда его младший брат захотел сделать себе военную карьеру, Сэм пытался заставить того передумать, молил родителей, чтобы они повлияли на решение младшего сына. Я не оправдываю действий Сэма, но не могу и винить его, – я набрала в легкие побольше воздуха. – Родители поддержали брата, и были несказанно горды им. Он получил высшее образование, ушел служить во флот. А через год его тело вернули в родной город в черном контейнере, – Роберт шумно выдохнул через нос. – Родители были безутешны, Сэм плакал навзрыд... Он до сих пор с ними не общается, Роберт, считает, что они виноваты в смерти брата. А к армии и военному делу Сэм относится с тех пор с еще большей неприязнью, чем раньше, – я сделала небольшую паузу, обдумывая сказанное и вспоминая Сэма с пацифистским флагом в руках на одной из последних демонстраций. – По мне так он сделал ужасную ошибку, разорвав общение с семьей. Да и винить в случившемся служащих... – я не договорила. Замолчала, качнув головой. – Жизнь чертовски

несправедлива. Порой страдают сильнее всех и рано умирают те, кто больше других заслуживают счастья, здоровья и долгой жизни, – голос мой сорвался, и глаза наполнились слезами. Я поскорее опустила взгляд, смотрела вниз на свои руки, и казались они мне чужими. На долю секунды я перестала ощущать себя *собой*.

У меня словно в один миг закончились все жизненные силы.

– Иди поспи, – голос Роберта вытянул меня из оцепенения. Я посмотрела на мужчину, как в первый раз. Серые уставшие глаза, глубокая морщина на лбу, густые чуть выющиеся волосы. На правой стороне шеи белая тонкая полоска старого шрама.

Горгоновцам создали образ очень жестоких и свирепых военных. Но я не чувствовала себя в опасности рядом с ними. А от Роберта Сборта вообще исходила такая аура внутренней силы и уверенности, что ты невольно перенимал его спокойствие.

Я кивнула, поднимаясь с кровати. На улице эхом прохрипел затяжной рокот грома, а через мгновение в окно ворвался холодный и сильный порыв ветра. Засвистело во всем доме. По вентиляционной шахте пронесся истошный визг природы, и в квартире вмиг стало еще темнее, чем было: очертания предметов слились воедино. Тучи на улице, черные и зловещие, затягивали и без того серое небо. Еще один порыв ветра ударил в остатки стекла, засвистел. С улицы донеслись гортанные хрипы и жуткие стоны. Почти сразу прогремел следующий раскат грома прямо над нашими головами. Мне даже показалось, что стены дома задрожали... Я переглянулась с Робертом. Он кивнул мне на дверь, и я поспешила вернуться в соседнюю комнату.

На улице свирепствовала буря. Косой дождь, не переставая, хлестал стеной уже больше трех часов. Свистел ветер, прорывавшийся в квартиру через щели в окнах. Мы все закрылись в одной комнате, заткнули под двери какие-то тряпки из шкафа, завесили забитое окно простыней, но теплее от этого не стало. Гром был настолько низким и сильным, будто весь небосвод рвался, рушился; небо стонало, кричало, падало прямо на нас, но замирало над домами. Стены подрагивали. Местами в углах даже появились потеки, настолько бушевал дождь.

Никто уже не спал. Кто-то продолжал лежать, закрыв лицо, кто-то сидел, начищал по второму кругу оружие и берцы. Уже и речи ни шло о том, чтобы выдвинуться в путь. Нас бы попросту снесло потоками воды, сбило ветром.

Роберт попросил Стивена достать несколько "хисов". На мой немой вопрос Норман кратко пояснил: "химический источник света; такие пластиковые колбочки". Когда Стив достал их из портфеля, то сразу все стало понятно. Правда, эти самые "хисы" были длиннее и больше тех, что я привыкла видеть. Горгоновец разломал три палочки, положил их в разных частях комнаты. В зеленый, желтый и оранжевый окрасились очертания людей, вещей и предметов. Темнота, слабое свечение от разгорающихся хисов, шум дождя и рокот ветра.

Сборт вновь достал карту, подозвал к себе Сэма. Тот объяснил, где находится наш трейлер, рассказал, какие приборы у него там есть, и что именно он может сделать с барахлящими рациями военных. Роберт переспрашивал, уточнял какие-то детали, которые могли даже не касаться связи техники, но я не вникала в их разговор. Просто не могла разобрать слов, связать их в единую цепочку мыслей. Подавленность, усталость и скованность от холода наполняли меня.

Мы с Сарой сидели под тяжелым одеялом, укрывшись с головой и до самого подбородка. Девушка мурлыкала какую-то знакомую мелодию себе под нос; Норман, укрывшись краешком одеяла, цедил из металлической фляжки.

– Будете? – вдруг предложил он, протягивая бутылку в навинчивающейся пробкой. – Штеф, не побрезгуй.

– А что там? – вежливо спросила с интересом, принимая фляжку из его руки; отказаться хотелось, но почему-то я не могла в этот момент себе этого позволить.

– Эликсир, чтобы согреться, – подмигнул Норман. Кристофер ни то усмехнулся, ни то фыркнул.

Фляжка была серой, почти черной, вся в царапинах и вмятинах. На лицевой стороне красовалась тщательно выцарапанная многочисленными линиями надпись: "Да здравствуй, сукин сын!". Видя, как я рассматриваю надпись, Норман с видимым удовольствием и почти с гордостью сказал: "Это подарок на год моей службы в "Горгоне".

– Мы тогда на очередном задании были, – Сара вклинилась в разговор, чуть склонив голову в мою сторону. – Жарко, везде песок, у нас вместо укрытия – остатки от стен двухэтажных домиков. Норман еще ногу вывихнул, когда по этим развалинам бегал, – девушка улыбнулась уголками губ, – его и подбодрить хотелось, и поздравить... Ну, мы с Крисом раздобыли фляжку, – многозначительно и загадочно она переглянулась с Льюисом, – и решили ее немного украсить. Если б ты видела, как старательно мы выцарапывали все это, – она аккуратно перевернула фляжку в моих руках, указывая на змейку с обратной стороны, оплетающую плоскую металлическую бутыл.

– Так старательно, что я даже нож затупил, – впервые за все время на лице Кристофера промелькнуло что-то наподобие полуулыбки. Буквально на долю секунды. Затем он вновь устало откинул голову к стене и прикрыл глаза.

– Зато ваш подарок уже, – Норман задумался, высчитывая полушепотом, – уже шесть лет мне служит верой и правдой. Греет, так сказать, и душу, и внутренности.

Я пригубила фляжку. Терпкий и крепкий алкоголь приятно обжег нутро. Изнутри стало тепло, а во рту осталось послевкусие чернослива и абрикосовой косточки.

– Напоминает ром, – я протянула фляжку Норману, который поджал губы в удивленно-уважительном выражении.

– Стопроцентное попадание, – ответил он. Затем толкнул локтем Кристофера, – вот это мой человек, даже не скривилась.

Сара лучезарно улыбнулась, и вслед затем вздрогнула, поднимая лицо к потолку. Очередной раскат грома был подобен землетрясению. Деревья бились о стены дома, по стеклу бил ни то песок с землей, ни то град.

– Что ж, – проговорил Роберт поднимаясь и складывая карту; Сэм, переглянувшись со мной, вернулся на кресло, – сегодня заночуем здесь, и, полагаю, причины тому объяснять не нужно. Чуть позже назначим дежурство. Выйдем, как только погода позволит, и точный маршрут определим по обстоятельствам, – голос его был ровным и спокойным, и какая-то мистическая уверенность этого человека, казалось, передавалась каждому из нас. – Путь будет нелегким. Постарайтесь не переругаться и найти общий язык, – Роберт посмотрел на Стэна с Крисом, потом глянул в мою сторону. – Выбраться мы сможем только общими усилиями.

– Нам бы только знать, с кем мы имеем дело, – патетически заметила Сара. – Ведь не могут зараженные вправду быть *мертвыми*.

– Подтверждений тому более чем предостаточно, – Михаэль впервые за долгое время что-то произнес. Он сидел в отдалении на полу, облокотившись о стену и заплетая длинную плотную веревку в браслет. Рядом с ним лежал неработающий телефон. – Но, *если выберемся*, к нам все равно будет немало вопросов по количеству *отстреленных*. Никто никакие официальные подтверждения происходящего же не предоставит.

– Это точно, – пренебрежительно поддакнул Стэн, – и все это станет продолжением истории Севера.

– Не могли же *все* погибнуть, чтобы некому было рассказать, – осторожно заметил Сэм.

– Кто-то погиб. Кого-то добьют, – Крис приоткрыл глаза и чуть повернул голову, чтобы посмотреть на Дорта. – Какие смельчаки решат идти против Трех и рисковать жизнью? Кто

захочет оказаться в руках Жнецов? А если и найдутся те, кто рассказал бы, какова вероятность, что им поверят и не примут за умалишенных? Подчищать грязь Севера удавалось, это место не станет исключением; так что психи ли зараженные, или правда мертвые, нам...

– Они не психи, – начала я прежде, чем Кристофер успел завершить предложение. Он обернулся ко мне, театрально вздергивая бровь. Зеленый отсвет от хиса очертил контур его лица. – Когда мы с Сэмом были в больнице, я пыталась побеседовать с главврачом. Он, мистер Гивори, сказал, что это точно не психическое заболевание. И самое жуткое и не поддающееся логике, – я на секунду замолчала, переводя дух и смотря по сторонам на горгоновцев, – что *зараженные* правда могут быть *уже мертвы*, – и только ветер и дождь за стенами дома нарушали наступившую тишину, продлившуюся без малого минуту. – Мы ведь будем у больницы, когда будем возвращаться за трейлером, и...

– Штефани, – Роберт качнул головой, – скажу сразу, не надейтесь найти своего приятеля и машину. Если он не круглый дурак, то уехал еще вчера до наступления полудня, – сердце мое упало. Я гнала от себя эти мысли, а сейчас Роберт их озвучивал. – Может, он оставил вам трейлер, а сам уехал с кем-то... Но, поверь, куда лучше, если он уехал, иначе, – Роберт замолк, не завершая мысль. Но ее и не нужно было озвучивать, и так было ясно, что имеется ввиду. Военные не могли пережить эти сутки, что уж говорить... Я дрогнула, тряхнула головой бессознательно. – В любом случае, сейчас такой шторм...

– Роберт, – у меня был почти молящий тон. Я тяжело и болезненно глотнула воздуха. – Мы *будем возвращаться к трейлеру и будем около больницы*. В кабинете главврача есть документация, где сказано обо все, о чем знали сами врачи. О ней наверняка во всей этой суматохе даже не вспомнили, мы могли бы рискнуть, достать ее... И подтверждение будет в наших руках. Люди узнают, будут предупреждены.

– Будем по всей больнице за бумажками охотиться? – спросил Льюис, искривив губы в усмешке. Я посмотрела на него, стиснув зубы.

– Они будут в кабинете Гивори. Я была там, и знаю, где лежат "бумажки", – я насмешливо перекинула Криса, не понимая, откуда вдруг взялись силы и храбрость на подобный ответ. – У него был сейф в кабинете.

– Чудно, – кивнул военный, отвечая мне в том же тоне, – но вот дилемма, к сейфу прилагается ключ. Или предлагаешь таскаться с сейфом, ища, каким бы хером его распилить? Будет забавно потом обнаружить, что внутри либо пусто, либо какая-то бесполезная макулатура.

Ключи.

Сердце мое бешено забилося где-то в глотке. Дрожащими руками, стараясь незаметно переместить их под одеялом, я полезла по карманам... Под пальцами ощутила холодный металл. Захотелось быстро показать его всем, но...

Им ведь нужна информация. И им нужен ключ. Но насколько горгоновцам нужны мы? Может, они воспринимают нас как обузу, которую можно бросить? Обузу, которую можно отдать, как живое мясо – рвать на куски; я ведь не могла читать мысли и знать наверняка, о чем думают военные. И это раздумье, буквально на секунду поселившееся в моей голове, будто окатило меня холодной водой. Я вынула руки из карманов.

– Ключ в трейлере, – сказала настолько спокойно и уверенно, насколько могла, – мне удалось стащить его... – Роберт почти незаметно одобрительно улыбнулся, но на лице Сэма застыл испуг и разочарование; я ведь обещала ему больше не впутываться в истории. – Но если вы вдруг захотите оставить нас, – я украдкой глянула на продолжающего ухмыляться Льюиса, – то ключ не найдете. Я так запрятала его, что никто не найдет.

– Никто никого не оставит, – спокойно ответил Роберт, – останемся в этом составе. А теперь отдыхайте.

Началось небольшое движение. Горгоновцы располагались по местам, тихо переговаривались. Роберт опустил на кровать, которую притащили для него из соседней комнаты. Я

смотрела на цветные блики от хисов, и сама не заметила, когда задремала. Не знаю, сколько прошло часов, – туманное состояние, точно ты в облаках или дыму, – но дождь все продолжал лить нескончаемым потоком, и ветер все так же яростно шумел за стенами. Возникало чувство, что мы провалились в безвременную яму, и минуты тянулись ужасающе долго. Я приоткрыла глаза, не до конца понимая, сплю ли я, брежу или уже проснулась.

Кристофер поднялся с кровати (именно это движение со стороны и вырвало меня из дремоты), сделал шаг к двери, вынимая из кармана пачку сигарет, и замер, что привлекло внимание бодрствующих. Тряпки, которыми ранее мы заткнули проем под дверью, были мокрыми. Вывод очевиден: через разбитое окно в соседнюю комнату льет дождь. Сильный, непрекращающийся многие часы ливень... И если открыть сейчас дверь, то и в этой комнатухе пол скроется под водой.

Льюис сдавленно и медленно выдохнул; было видно, что он сдерживается, чтобы не вспылить. Затем мужчина все же достал сигарету, отходя к заколоченному окну. Чиркнул спичкой, но закурить не успел. Его внимание привлекло что-то, что он смог увидеть через проемы щелей. Он будто оцепенел, замерев с зажженной спичкой. Только когда огонек обжег ему пальцы, Крис дернул рукой, на секунду отвлекшись, а затем вновь перевел взгляд на улицу. Секунда. Две. Рот мужчины чуть приоткрылся; Кристофер свел брови к переносице, отшатнулся.

– Льюис? – напряженно и тихо окликнул его Стивен, но Крис обернулся к командиру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.